

Современная конница.

(Изъ записокъ бывшаго профессора).

(Продолженіе).

ОЧЕРКЪ IV.

КОННЫЙ БОЙ 10-й КАВАЛЕРІЙСКОЙ ДИВИЗИИ ГЕНЕРАЛА
ГРАФА КЕЛЛЕРА И 4 АВСТРІЙСКОЙ КАВ. ДИВИЗИИ ГЕНЕ-
РАЛА ЗАРЕМБА 8(21) АВГУСТА 1914 года.

I.

Въ теченіи 4-хъ лѣтъ минувшей войны на европейскомъ театрѣ былъ только одинъ случай столкновенія въ сомкнутомъ конномъ строю двухъ кавалерійскихъ массъ. Это былъ бой между 10-ой кавалерійской дивизіей графа Келлера и 4-ой австрійской кавалерійской дивизіей генерала Заремба.

Современная военная наука производитъ переоцнку всѣхъ существовавшихъ до міровой войны тактическихъ взглядовъ. Съ особенной настойчивостью эта работа разрушаетъ предразсудки, царствовавшіе въ области тактики кавалеріи. Но эта переоцнка не можетъ считаться законченной, если она не проанализируетъ самымъ внимательнымъ образомъ этотъ рѣдкій, но все же имѣвшій мѣсто случай.

Предлагаемая работа и посвящается этому анализу.

Мы должны въ началѣ ея предупредить читателя, что придержались въ ней метода нѣсколько отличнаго отъ приемовъ обыкновенно принятыхъ въ различныхъ историческихъ изслѣдованіяхъ.

Въ явленіяхъ коннаго боя, основывающагося на примѣненіи холоднаго оружія, вопросы психики получаютъ исключительно господствующее значеніе. Эту скрытую духовную сторону явленій слѣдуетъ все время имѣть въ виду при обсужденіи вопросовъ коннаго боя, дабы не впасть въ ошибку „механическаго“ его пониманія, чѣмъ какъ разъ и грѣшила до-военная кавалерійская доктрина во всѣхъ арміяхъ. А между тѣмъ, внутренняя духовная сторона боевыхъ явленій почти всегда въ изслѣдованіяхъ опускается и прежде всего забывается то, что каждый изъ участниковъ дѣйствовалъ на основаніи той обстановки, которая ему „казалась“ и которая часто сильно отличается отъ той, которая была въ дѣйствительности. Скоротечность явленій коннаго боя не даетъ возможности участникамъ контролировать свои впечатлѣнія, хотя бы въ той мѣрѣ какъ это допускается въ несравненно болѣе длительныхъ огневыхъ бояхъ.

Крайнее же напряженіе нервовъ въ кавалерійскихъ столкновеніяхъ можетъ доводить участниковъ до зрительныхъ и слуховыхъ галлюцинацій.

Вотъ почему мы и считали, что для того, чтобы правильно понять природу коннаго боя необходимо пойти по слѣдующему пути: изучить въ отдѣльности дѣйствія каждой стороны такими какими они переживались въ минуты боя участниками, возстановивъ также и тѣ воображаемыя картины, которыя имъ рисовались; только послѣ подобнаго изученія каждой стороны приступить въ выводамъ о „реальностяхъ“ коннаго боя. Таковъ былъ методъ нашей работы; по этому же пути мы предлагаемъ послѣдовать за нами читателю.

Прежде всего мы дадимъ картину боя такой, какой она представлялась на русской сторонѣ. Затѣмъ мы перейдемъ къ описанію дѣйствій съ австрійской стороны и только послѣ этого сдѣлаемъ общій выводъ.

II.

Материалами для изложенія боевыхъ дѣйствій 10-й кав. дивизіи послужили письма участниковъ боя, къ которымъ мы обратились съ просьбой дать описанія личныхъ переживаній.

Изъ этихъ описаній по преимуществу нами использованы два: 1) описаніе, составленное однимъ изъ моихъ лучшихъ учениковъ по Академіи, Генеральнаго Штаба полковникомъ (тогда капитана) Сливинскимъ; въ бою у д. Волчковце капитанъ Сливинскій исполнялъ обязанности начальника штаба генерала графа Келлера; 2) письмо одного изъ лучшихъ кавалерійскихъ начальниковъ генерала Барбовича, бывшаго въ этомъ бою ротмистромъ Ингерманландскаго гусарскаго полка и командовавшаго дивизиономъ изъ двухъ эскадроновъ этого полка; этотъ дивизионъ сыгралъ въ бою у Волчковце рѣшающую роль.

Долженъ замѣтить, что ни одному изъ моихъ корреспондентовъ въ минуту составленія мнѣ отвѣтовъ, не были извѣстны австрійскія описанія боя и поэтому они излагаютъ то, что происходило на австрійской сторонѣ такимъ какимъ тогда имъ это казалось*).

Съ началомъ войны русская конница была выдвинута передъ фронтомъ армій. Для высшаго командованія нужно было возможно

*) Полковникомъ Сливинскимъ присланная мнѣ рукопись была впоследствии связана съ австрійскими данными и затѣмъ издана отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ „Конный бой 10-й кавалерійской дивизіи графа Келлера 3(21) августа 1914 года у д. Ярославце“. Мы отсылаемъ къ этой брошюрѣ желющихъ болѣе подробно ознакомиться съ боемъ. Сами же въ настоящемъ очеркѣ, вышедшемъ уже въ Американскомъ журналѣ „The Cavalry Journal“ мы использовали первоначальную рукопись полковника Сливинскаго безъ внесенныхъ имъ впоследствии исправленій. Мы оставляемъ безъ исправленій и печатаемый очеркъ ибо согласно принятому нами методу работы намъ особенно цѣнно впечатленіе участниковъ боя такимъ, какимъ оно было до того какъ занавѣсъ надъ происходившимъ у непріятели приподнялся.

скорѣе прорвать завѣсу, которой прикрывалось развертываніе Австро-Венгерскихъ армій. Особенно это важно было для 3-ей и 8-ой русскихъ армій, предназначавшихся для быстрого наступленія въ общемъ направленіи на Львовъ, во флангъ и тылъ главной массы Австро-Венгровъ, которая, какъ предполагалось въ нашемъ генеральномъ штабѣ, поведетъ наступленіе противъ нашихъ 4-ой и 5-ой армій, въ общемъ направленіи на Люблинъ — Холмъ*).

7/20-го августа кавалерія 3-ей русской арміи захватила переправы черезъ р. Сереть. 9-ая и 10-ая***) кавалерійскія дивизіи входили въ составъ этой арміи и въ ночь на 8/21-ое августа расположились: первая — въ гор. Заложце, вторая — въ районъ къ югу отъ этого городка.

На 8/21-ое задачей обѣихъ кав. дивизій являлось продолженіе энергичной развѣдки: 9-ой — въ направленіи на Золочевъ, 10-ой — на Зборовъ; южнѣе дѣйствовала 12 кав. дивизія.

Имѣвшаяся въ распоряженіи штабовъ дивизій свѣдѣнія о противникѣ давали лишь очертаніе той вышней завѣсы, которой окутывалась группировка австро-венгерскихъ силъ. Эта завѣса, образованная изъ частей конницы и небольшихъ отрядовъ ландштурмистовъ и пограничныхъ жандармовъ, подъ нажимомъ нашей конницы отходила на западъ. Можно было съ увѣренностью предполагать близость крупныхъ непріятельскихъ кавалерійскихъ соединеній, но нащупать ихъ мѣстонахожденія наша развѣдка не могла.

Около 6 часовъ утра 8/21-го августа 10-ая кавалерійская дивизія выступила съ мѣсть своего ночлега въ направленіи на Зборовъ. Двигалась она въ одной колоннѣ, имѣя въ авангардъ Оренбургскій каз. полкъ, одну батарею и пулеметную команду. Впереди находились развѣзды и по одному развѣдывательному эскадрону отъ гусарскаго и уланскаго полковъ.

Начальникъ дивизіи, генералъ графъ Келлеръ, шелъ въ головѣ авангарда.

Вскорѣ послѣ 8-ми часовъ утра головной отрядъ казаковъ подходилъ къ высотѣ „Острый Гарбъ“***). Въ это время прискакалъ изъ развѣдывательнаго эскадрона офицеръ съ докладомъ, что полчаса тому назадъ, верстахъ въ двухъ къ сѣверу отъ д. Ярославце были замѣчены крупныя массы непріятельской кавалеріи, двигавшіяся со стороны Золочева.

Предполагая, что эта непріятельская кавалерія направляется противъ нашей 9-ой кавалерійской дивизіи, слѣдовавшей въ нѣсколь-

*) Схема № 1.

**) 9-ая кавалерійская дивизія не была въ полномъ составѣ; отъ нея полковъ были откомандированы эскадроны въ качествѣ дивизионной конницы въ 10-й арм. корпусъ, а именно: отъ 10-го драгун. Новгородскаго полка — два эскадрона, отъ 10-го уланск. Одесскаго полка — одинъ эск., отъ 0-го гусарскаго Ингерманландскаго полка — два эскадрона, отъ 1-го Оренбургскаго казачьяго полка — одна сотня. Такимъ образомъ, весь составъ 10-ой кав. дивизіи достигалъ въ день боя всего 18 эскадроновъ и 12 орудій съ пулеметной командой.

***) См. схему № 2.

кихъ верстахъ къ сѣверу, ген. графъ Келлеръ рѣшилъ измѣнить направление движенія своей дивизіи съ тѣмъ, чтобы, двигаясь теперь въ сѣв.-зап. направленіи, постараться охватить непріятельскую кавалерію съ юга.

Оренбургскій казачій полкъ былъ двинутъ въ новомъ направленіи. Изъ главныхъ силъ была вызвана вторая батарея 3-го Донского конно-артиллерійскаго дивизиона и вся артиллерія расположилась на позиціяхъ въ районѣ высоты 426 (Беремовка), готовая немедленно поддержать наступленіе казаковъ. Для прикрытія маневра слѣва — на Зборовскомъ направленіи — долженъ былъ оставаться находившійся на развѣдкѣ гусарскій эскадронъ, на усиленіе котораго былъ вызванъ изъ главныхъ силъ еще одинъ гусарскій эскадронъ*).

Почти сейчасъ же послѣ начала своего движенія въ новомъ направленіи Оренбургскимъ казакамъ пришлось ввязаться въ бой съ австрійской пѣхотой. Послѣдняя наступала со стороны высоты „Жамни“; рѣдкія ея цѣпи выходили также изъ лоцины рѣчки Малой Стрыпы, въ которой была расположена д. Мошиловка. Перебѣжками, скрываясь и стрѣляя изъ за копенъ пшеницы, приближались австрійцы къ разсыпавшимся въ лаву казакамъ. Непріятельскій ружейный огонь все усиливался. На правомъ флангѣ Оренбургцевъ въ перелѣсахъ заработали наши пулеметы. Надъ головами казаковъ разорвалось нѣсколько шрапнелей: стрѣляла непріятельская батарея откуда то съ юга отъ д. Ярославце. Но въ это же время надъ высотой „Жамни“ видны были разрывы; это конныя батареи 9-ой кавдивизіи со стороны Олеюва обстрѣливали австрійскую пѣхоту.

Ген. Келлеръ приказалъ: а) 1-му Оренбургскому казачьему полку немедленно атаковать наступающую пѣхоту, направляя главный ударъ на д. Ярославце, б) 3-му Донскому конно-артиллерійскому дивизиону поддержать атаку Оренбургцевъ, в) главнымъ силамъ „спѣшно подтягиваться“.

Наши двѣ конныя батареи***) уже сами, ранѣе полученія приказанія, открыли бѣглый огонь по пѣхотѣ противника, наступавшей со стороны высоты „Жамни“. Но очень быстро вслѣдъ за тѣмъ наступленіе австрійцевъ прекратилось и ихъ пѣхота стала отходить въ двухъ направленіяхъ: одна часть уходила на д. Хукаловце, другая, значительно меньшая, на д. Ярославце. Конная артиллерія 10-ой кавдивизіи сосредоточила тогда свой огонь противъ цѣпей противника, отходившихъ на д. Ярославце и по району къ югу отъ этой деревни, гдѣ подымалась все время подозрительная пыль.

Оренбургская лава рысью, а затѣмъ, усиливая аллюръ, двинулась въ атаку на пѣхоту, отходящую на д. Ярославце. Австрійцы пытались встрѣтить эту атаку ружейнымъ огнемъ; но очень скоро ихъ стрѣльба приняла беспорядочный характеръ. Сбиваясь въ группы, они бросились бѣжать къ д. Ярославце. Около двадцати казаковъ свалилось ранеными или убитыми; лошади, почувствовавъ свободу,

*) Изъ ихъ состава впоследствии было выдѣлено прикрытіе конной артиллеріи.

**) См. схему № 3.

скакали въ разныя стороны, другія продолжали нестись съ казаками къ деревнѣ.

Начальникъ дивизіи приказалъ своему конвою собрать оставшихся въ тылу пронесшейся лавы австрійцевъ, нѣкоторые изъ нихъ пытались стрѣлять въ тылъ казакамъ. Нѣсколько десятковъ пѣхннхъ было подведено къ штабу дивизіи. Послѣ бѣлаго опроса этихъ пѣхннхъ, штабъ заключилъ: „что эти пѣхннные принадлежали къ фусъ-батальону 4-ой австрійской кавалерійской дивизіи, который занималъ д. Ярославце и который долженъ былъ наступать на востокъ; что въ томъ же районѣ находилась вся кавалерійская дивизія, выступившая въ этотъ день на разсвѣтъ со своимъ фусъ-батальономъ изъ Злочова*“.

При приближеніи къ д. Ярославце Оренбургцы были встрѣчены съ окраины сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Казаки спѣшились. Завязался бой за обладаніе этой деревней.

Время подходило къ 10 часамъ.

О 9-ой кавалерійской дивизіи были получены свѣдѣнія, что ея передовыя части достигли лѣса, что къ востоку отъ д. Хукаловце. Изъ за кряжа, тянущагося на юго-западъ отъ этой деревни и отдѣляющаго деревню Ярославце отъ д. Волчковце, неприятельская артиллерія начала энергично обстрѣливать наши конныя батареи. Въ томъ же районѣ, откуда доносились неприятельскіе пушечные выстрѣлы, то появлялись, то исчезали, быстро двигающіяся змѣйки, окутанныя клубами пыли; отдѣльныя группы всадниковъ то и дѣло показывались на горизонтѣ. Не оставалось сомнѣній, что въ этомъ районѣ находится австрійская кавалерійская дивизія.

Ген. графъ Келлеръ рѣшилъ немедленно же атаковать эту конницу противника, не дожидаясь подхода 9-ой кавалерійской дивизіи; объ этомъ своемъ рѣшеніи ген. графъ Келлеръ сейчасъ же съ ординарцемъ послалъ начальнику этой дивизіи увѣдомленіе. Повидимому, ген. графъ Келлеръ опасался, что австрійская дивизія начинаетъ уже ускользать отъ столкновенія и что благодаря этому австрійская завѣса, осадивъ назадъ, опять не будетъ прорванной. Въ рукахъ у ген. Келлера оставались для этой атаки всего 10 эскадроновъ: Новгородскаго драгунскаго полка — четыре эскадрона, уланскаго Одесскаго — четыре эскадрона и Ингерманландскаго гусарскаго — два эскадрона, итого десять эскадроновъ^{**}). Такимъ образомъ, силы меньшія чѣмъ бригада велись ген. Келлеромъ для атаки неприятеля, превосходящаго, какъ можно было предполагать, въ два раза.

„Имѣлъ ли право ген. графъ Келлеръ, пишетъ начальникъ штаба полковникъ Сливинскій, при подобныхъ условіяхъ рисковать дать бой?“

*) Какъ мы увидимъ въ слѣдующемъ очеркѣ, эти свѣдѣнія не были вполне точными.

***) Кромѣ того въ личномъ конвоѣ генерала гр. Келлера былъ одинъ взводъ Оренбургскихъ казаковъ.

„Большинство научныхъ изслѣдованій отвѣтитъ отрицательно. Подавляющее большинство командировъ, попавъ въ положеніе подобное приведенному, предпочло бы уклониться отъ боя, хотя бы до подхода подкрѣпленій.

„Но ген. графъ Келлеръ рѣшилъ иначе... и, пожалуй, имѣлъ на то свои основанія.

„Основанія эти лежали въ психикѣ, опиравшейся на глубокомъ довѣрїи вождя къ своимъ войскамъ и на немѣне сильной вѣрѣ войскъ въ своего командира“.*)

Кавалерійскій начальникъ долженъ умѣть „дерзать“. Иначе онъ упустилъ всѣ благоприятные для дѣйствія конницы случаи. Ген. графъ Келлеръ принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ натурамъ, которыя въ этомъ отношеніи отмѣчены перстомъ судьбы. И онъ дерзнулъ.

Рѣшившись на немедленную атаку онъ приказалъ: а) артиллеріи усилить огонь въ направленіи д. Волчковце, б) командиру одной изъ бригадъ, генераль-маіору Маркову, вести главныя силы (10 эскадроновъ), скрываясь въ лощинахъ въ томъ направленіи откуда доносились раскаты выстрѣловъ неприятельскихъ батарей. Самъ же со штабомъ и конвоемъ поѣхалъ впереди главныхъ силъ, идя отъ вершинъ къ вершинѣ, дабы сохранить обзоръ и не терять изъ виду происходящее у казаковъ, которые начали врываться въ деревню Ярославце.

Впереди скакали ближніе развѣзды, посланные начальникомъ дивизіи передъ началомъ движенія, а также артиллерійскіе развѣдчики отъ батарей.

Мѣстность между д. д. Ярославце, Волчковце и Хукаловце представляла собою холмистое плато; лоцины съ достаточно пологими скатами допускали движеніе въ конномъ строю по всѣмъ направленіямъ, но въ тоже время въ своихъ складкахъ могли скрывать крупныя массы конницы. Наибольшаго превышенія это плато достигало въ районѣ отмѣтокъ 418 и 419**).

Не добѣжая полуверсты до этой высоты, передъ графомъ Келлеромъ неожиданно развернулась слѣдующая картина: шагахъ въ 1000 къ сѣверо-западу на опушкѣ небольшой рощи торопливо выѣзжали двѣ австріискія батареи; чуть вправо отъ неприятельскихъ батарей видѣлась „черно-голубая полоса, какъ бы окаймлявшая желтую поверхность противоположнаго ската лоцины; то были парадные мундиры и каски австріискіихъ всадниковъ, стоявшихъ въ развернутомъ строю. Гребень холма скрывалъ на половину туловище всадниковъ и коней***). Судя по протяженію фронта сила этой группы кавалеріи казалась равной 6-7 эскадронамъ.

Ген. графъ Келлеръ немедленно послалъ ординарцевъ съ приказаніями драгунамъ и уланамъ атаковать съ фронта, гусарамъ же составить уступъ за лѣвымъ флангомъ. Въмѣстѣ съ этимъ онъ

*) Описаніе полковника Сливинскаго.

***) См. схемы №№ 2 и 4.

****) Описаніе полковника Сливинскаго.

приказалъ трубачамъ трубить сигналъ „походъ“. Въ эту же минуту непріятельская артиллерія начала стрѣлять, но сейчасъ же въ свою очередь попала подъ бѣглый огонь нашей конной артиллеріи.

„Минута была жуткая. Противники сошлись лицомъ къ лицу... Выхода не было сейчасъ должно было произойти что-то необыкновенное, рѣшающее и страшное... Порывъ и жуть одновременно наполняли сердца... Напряженные взоры жадно впивались въ стройную линію австрійскихъ касокъ, то въ сѣро-желтые ряды нашихъ полковъ, подходившихъ рысью...“

„Казалось, что медленно скачутъ ординарцы, посланные начальникомъ дивизіи съ приказаніями... невѣроятно долго не принимаютъ сигнала полковые трубачи...“

„Но это лишь казалось...“

„По длинной лентѣ возводной колонны дивизіи прошелъ электрическій токъ; масса вздрогнула, полки начали выстраивать фронтъ и галопомъ выходить на одну линію“.

„Мимо штаба дивизіи проходили развернутымъ строемъ справа драгуны и уланы, лѣвѣе гусары. Ген. графъ Келлеръ голосомъ повторилъ приказаніе гусарамъ: держаться на уступѣ и атаковать во флангъ...“^{*)}

Вотъ красочное описаніе полковникомъ Сливинскимъ начала столкновения, такимъ какимъ оно наблюдалось съ точки стоянія графа Келлера.

„Наши линіи уже находились на полускатѣ — шагахъ въ 300 отъ вершины“, продолжаемъ мы выдержки изъ описанія полковника Сливинскаго. „Въ это время зашевелилась дотолѣ неподвижная австрійская линія и въ тотъ же мигъ черная полоса развернутаго строя, прорѣзанная красной линіей чакчиръ, волнующаяся бѣлыми султанами и голубыми развѣвающимися ментиками, блистая шашками и касками, вся сомкнутая и выравненная, въ поразительномъ порядкѣ и красотѣ показала на гребнѣ...“

„Австрійцы пошли въ атаку...“^{**)}

Наши полки увидѣли совсѣмъ близко передъ собою двигающуюся на нихъ лавину. Волна „ура“ прокатилась по всему фронту и вслѣдъ за тѣмъ все смѣшалось въ глухомъ протяжномъ шумѣ.

Столкновение разбилось на три участка. Прослѣдимъ прежде всего вмѣстѣ съ полковникомъ Сливинскимъ то, что происходило въ центрѣ.

„За первой линіей австрійцевъ показалась вторая, затѣмъ третья, двигавшаяся въ атаку въ линіи взводныхъ колоннъ, каждая силой въ одинъ полкъ.“

„Безформленная масса, какъ рой пчелъ или взбудораженный муравейникъ жужжала и кружилась на мѣстѣ.“

„Сколько мгновеній продолжалось первое столкновение — учесть невозможно.“

*) Описаніе полковника Сливинскаго.

**) Тамъ же.

„Очень скоро вся эта масса всадниковъ заколебалась широкими волнами, приняла форму дуги вогнутой въ нашу сторону и начала зигзагами подаваться къ намъ — сначала медленно, но потомъ все быстрее и быстрее.“)

„Еще моментъ и сѣрая рубашки стали рѣдѣть въ центрѣ. драгуны и уланы разступились, а въ образовавшійся прорывъ вклинился во взводной колоннѣ одинъ изъ эскадроновъ второй австрийской линіи...“

„Мимо штаба дивизіи вправо и влѣво отъ него безудержно неслись въ тылъ отдѣльные всадники и беспорядочныя группы, состоявшія изъ русскихъ и австрийцевъ. Всѣ почему то неистово кричали; на лицахъ былъ написанъ ужасъ смерти...“

„Уже штабъ дивизіи поглощался этой массой; а въ это время передъ нашими глазами стройной колонной проносился также куда-то въ пространство нашего тыла австрийскій эскадронъ... Я, какъ сейчасъ, ясно помню равномерные взмахи и гулкие удары сотенъ копытъ, какъ будто это происходило вчера, а не 7 лѣтъ тому назадъ...“

„Въ этотъ критическій моментъ, генералъ графъ Келлеръ проявилъ величайшее присутствіе духа: безъ малѣйшаго колебанія онъ сухо и твердо скомандовалъ: штабъ и конвой въ атаку. Это было единственно возможное и послѣднее въ подобныхъ обстоятельствахъ приказаніе.“

„Штабъ и конвой съ мѣста понеслись во флангъ проходившему мимо насъ эскадрону. Начальникъ конвоя, сотникъ Пензинъ, выхватилъ револьверъ, прицѣлился и у самого моего уха выстрѣлилъ — скакавшій впереди австрийскаго эскадрона командиръ его замертво свалился съ лошади сраженный его пулей...“

„Эскадронъ не выдержалъ нашей атаки; исполнивъ заѣздъ по взводно правымъ плечомъ, онъ сталъ быстро уходить съ поля сраженія. За нимъ потянулись беспорядочныя группы и отдѣльные всадники...“

Но не этотъ героическій эпизодъ явился рѣшающимъ участіемъ боя. Общее пораженіе австрийцевъ предрѣшалось той полной побѣдой, которую въ это время одержали Ингерманландскіе гусары на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Разгромъ здѣсь австрийцевъ немедленно передался и на центръ, а затѣмъ на нашъ правый флангъ — и вся австрийская кавалерійская дивизія была разбита.

Я предоставлю генералу Барбовичу самому рассказать объ атакѣ

*) Какъ мы уже говорили въ предисловіи, насъ особенно должно интересовать какимъ представлялся противникъ русской сторонѣ: на предлагаемой схемѣ № 5 нами изображенъ, на основаніи показаній лицъ штаба и самого покойнаго графа Келлера въ одной изъ бесѣдъ, которую авторъ имѣлъ съ нимъ во время войны, тотъ „воображаемый“ боевой порядокъ въ которомъ австрийцы будто бы насъ „выжидали“ и въ которомъ они бросились на насъ.

дивизиона Ингерманландскихъ гусаръ, сыгравшаго столь рѣшительную роль для исхода коннаго боя*).

„Отъ ординарца графа Келлера я получилъ приказаніе двумъ Ингерманландскимъ эскадронамъ составить уступъ за лѣвымъ флангомъ всего боевого порядка. Дивизія стала перестраиваться въ боевой порядокъ рысью и я съ двумя эскадронами сталъ уступомъ за лѣвымъ флангомъ боевого порядка развернутымъ фронтомъ. Кавалеріи противника мы еще не видѣли; влѣво отъ насъ слышна была ружейная и пулеметная стрѣльба (казаки атаковали австрійскую пѣхоту). Но вотъ начали раздаваться артиллерійскіе выстрѣлы съ нашей стороны и со стороны противника. Артиллерія противника открыла огонь, повидимому, не по дивизіямъ, а по нашимъ батареямъ, и боевой порядокъ продолжалъ двигаться рысью безостановочно, соблюдая такой же порядокъ, какъ на хорошемъ ученіи.

„Мы начали подыматься въ гору и когда мы были приблизительно въ полгоры, только тогда въ этотъ моментъ увидѣлъ передъ собою дивную картину, воспоминанія о которой никогда не изгладятся.

„Не болѣе какъ въ 700 шагахъ, на встрѣчу намъ, въ большомъ порядкѣ, развернутымъ фронтомъ, двигалась австрійская кавалерія въ парадной формѣ одежды, въ парадныхъ головныхъ уборахъ; она, какъ въ сказкѣ, приковала къ себѣ мое вниманіе. Она двигалась навстрѣчу намъ аллюромъ не болѣе рыси; подавались ли сигналы, были ли какія-либо команды графа Келлера, я не могу сказать, ибо до меня не дошли, да и вниманіе мое цѣликомъ было поглощено тѣмъ, что я видѣлъ впереди себя. Могу только сказать съ увѣренностью, что не только карьеромъ, но даже галопомъ ни мы, ни противникъ не двигались. Шли другъ другу навстрѣчу рысью, соблюдая равненіе и порядокъ, какъ на ученіи.

„Мнѣ казалось, что строй австрійской кавалеріи былъ значительно длиннѣе по фронту и въ состояніи былъ поглотить небольшое количество эскадроновъ нашей дивизіи. Помню, что я былъ нѣсколько озадаченъ стрѣльбой, которая началась къ моменту сближенія дивизій, какъ впослѣдствіи выяснилось, это австрійскіе офицеры и унтеръ-офицеры стрѣляли изъ револьверовъ. Дальше мое вниманіе было поглощено тѣмъ, чтобы своевременно выполнить задачу, которая ложилась на мой дивизионъ, какъ на уступъ, и я увидѣлъ, когда сошлись первыя линіи, какъ два эскадрона австрійцевъ, находившихся уступомъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ противъ меня, очень сноровисто, зайдя плечомъ ударили во флангъ нашей первой линіи. Выждавъ моментъ, когда эти эскадроны подставили намъ свой тылъ, я съ двумя эскадронами гусаръ, заведя ихъ лѣвымъ плечомъ, ударилъ въ тылъ этимъ эскадронамъ.

„Гусары, выигравъ преимущество положенія, лихо бросились въ атаку. На моментъ мы оказались въ общей свалкѣ. Австрійская кавалерія въ голубыхъ доломаныхъ переплелась вмѣстѣ съ нашими

*) См. схему № 6.

гусарами въ защитныхъ рубахахъ, и, казалось, на каждого защитнаго гусара приходилось не менѣе 5 голубыхъ доломановъ.

„Все это столкнулось въ плотной массѣ, рубило и кололо, и я въ одну секунду понялъ, что австрійцы, дѣйствуя вяло своими саблями, начали уклоняться отъ ударовъ и уколовъ нашихъ гусаръ, которые, вспомнивъ славную выучку, отъ всего сердца рубили и кололи. Я увидѣлъ, что австрійцы не нападаютъ, хотя ихъ значительно больше, а только прикрываются, показывая спины.

„Первоначально вся эта масса, и наши, и австрійцы двигались, на очень ограниченномъ мѣстѣ. Австрійцы стали убѣгать, а наши начали ихъ догонять, нанося удары, куда попало. Что дѣлалось правѣ меня въ уланскомъ и драгунскомъ полкахъ, я не видѣлъ, такъ какъ былъ поглощенъ тѣмъ, что творилось передо мной...

„Впоследствии я узналъ отъ самого графа Келлера, что, когда онъ увидѣлъ, что въ атаку движется цѣлая кавалерійская дивизія: трубачъ по его приказанію подавалъ сигналы „всѣ“ и „по переднему уступу“, дабы подтянуть эскадроны, бывшіе въ прикрытіи батарей, но послѣдніе сигналовъ не слышали и участія въ атакѣ не приняли.

„Я помню, что кромѣ артиллерійской стрѣльбы въ моментъ общей свалки меня вдругъ неожиданно поразила сильная пулеметная стрѣльба. Неизвѣстно было откуда и чьи пулеметы усиленно стрѣляли. Пули летѣли высоко, не нанося, повидимому потерь, но отъ свиста этихъ пуль австрійцы еще больше начали жаться и искать выхода изъ того труднаго положенія, въ которое они попали. Я видѣлъ, какъ голубые доломаны, вертѣвшіеся передъ глазами, падали отъ ударовъ сабель и пикъ, уже не ограничиваясь той площадкой, на которой шелъ рукопашный бой и слышенъ былъ лязгъ оружія, а начали все шире и шире заирать пространство и наконецъ, взявъ, какъ будто, одно общее направленіе, стали скакать, убѣгая отъ насъ. Мой эскадронъ, хотя и былъ перемѣшанъ съ голубыми мундирами, но я видѣлъ, что онъ не разсыпался, а составлялъ плотную массу, и я видѣлъ каждый взводъ. Въ это время ко мнѣ подѣхалъ ординарецъ начальника дивизіи и передалъ мнѣ приказаніе атаковать артиллерию. Приказаніе застало насъ въ тотъ моментъ, когда мои гусары преслѣдовали кавалерию, желавшую выскочить изъ-подъ ударовъ. Гдѣ находились батареи противника, я не видѣлъ, но по звуку выстрѣловъ ясно чувствовалъ. Мнѣ удалось собрать свой эскадронъ и присоединить 1 взводъ 1-го эскадрона. Оставивъ остальныхъ гусаръ преслѣдовать, я съ собранными частями бросился по направленію артиллеріи. На движеніи, какъ на ученіи, мы приняли разомкнутый строй, какъ полагается для атаки артиллеріи и, пройдя не болѣе полуверсты полъ-оборота направо впередъ, выскочили на мѣсто, съ котораго я ясно увидѣлъ батареи. Онѣ еще продолжали стрѣлять, но видно было, что стрѣльба эта уже послѣдняя агонія. Съ этого мѣста мы бросились полевымъ галопомъ по направленію батарей...

„Я видѣлъ, какъ нѣкоторыя орудія еще стрѣляли; возлѣ другихъ суетилась прислуга, стараясь подать передки и запрячь лоша-

дей. Несколько орудийных выстреловъ было сдѣлано почти въ упоръ намъ и во взводъ 1-го эскадрона оказалось 2 или 3 гусара буквально разорванныхъ снарядами. По мѣрѣ нашего приближенія батареи смолкли и возлѣ пушекъ сдѣлалось пусто; ни одного артиллериста не оставалось...

„Во время атаки батареи равольверными выстрѣлами артиллерійской прислуги, стрѣлявшей изъ лѣса, было убито 2 унтеръ-офицера у меня въ эскадронѣ. Я объяснялъ себѣ причину смерти этихъ двухъ унтеръ-офицеровъ, медалями, которыя висѣли у нихъ на груди; видимо артиллерійская прислуга стрѣляя по насъ въ упоръ, приняла ихъ за офицеровъ“.

Теперь посмотримъ, что дѣлалось на русскомъ правомъ флангѣ. Полнаго описанія отъ кого либо изъ участниковъ столкновения 10-го Драгунскаго Новгородскаго полка намъ не удалось получить.

Съ достовѣрностью можно установить слѣдующее:

1) Правый флангъ Новгородскихъ драгунъ попалъ подъ непрятельскій пулеметный огонь, направленный съ высоты 419.

2) Съ другой стороны въ тылу лѣваго фланга австрійцевъ на опушкѣ лѣса къ западу отъ д. Хукаловце появились передовыя части 9-ой кавал. дивизии съ пулеметами, которые начали обстрѣливать дальнимъ огнемъ тылъ Австрійцевъ.

3) Рѣшительное поражение праваго австрійскаго фланга, распротранившееся затѣмъ на ихъ центръ, передалось на лѣвый австрійскій флангъ, который повернулъ назадъ и сталъ уходить на сѣверо-западъ.

* * *

Такъ закончился конный бой у д. Волчковце. Интересно отмѣтить здѣсь одну случайность. Окончаніе его совпало съ полнымъ солнечнымъ затмениемъ. Поле, только что закончившагося боя, представляло оригинальную картину. „Закрытое желтой пеленой солнце тускло свѣтило; столбы неуглешейся пыли, перевитые желтыми лучами солнца, мрачными тѣнями носились по полю... На желтомъ коврѣ недавно сжатой пшеницы красными и голубыми пятнами лежали убитые и раненые австрійцы. Между ними, но значительно рѣже попадались сѣро-желтыя пятна — тѣла погибшихъ и раненыхъ русскихъ. По полю носились во всѣ стороны обезумѣвшіе отъ страха и потерявшіе всадниковъ кони“ (**).

Часть русскихъ эскадроновъ, на усталыхъ, взмыленныхъ лошадяхъ собирались къ своимъ эскадроннымъ командирамъ. Другая часть ихъ скакала безформенной лавиной, преслѣдуя уходящихъ

*) Въ то время когда гусары спѣшившись захватывали опушку рощи къ ротмистру Барбовичу подъѣхалъ взволнованный гусаръ и доложилъ, „что за лѣсомъ стоитъ цѣлый полкъ кавалеріи. Я отвѣтилъ ему — повѣжай и смотри что онъ дѣлаетъ. Въставой, откочивъ, вернулся не больше какъ черезъ пять минутъ и доложилъ, что полкъ поворачивается налѣво кругомъ и удираетъ“. (Изъ письма ген. Барбовича).

***) Описаніе полковника Сливинскаго.

австрийцевъ. Это преслѣдованіе велось только до рѣчки Стрыпы Волчковска. Конскій составъ былъ до того утомленъ дневнымъ переходомъ, а главное — движеніемъ безъ дорогъ, начиная отъ „Остраго Гарба“ и притомъ усиленными аллюрами, что лошади буквально едва двигались.

Спасаясь отъ преслѣдованія, австрийская кавалерія мчалась въ полномъ безпорядкѣ. Особенно тяжело пришлось той ея части, которая вышла къ р. Стрыпѣ къ югу отъ выселковъ Волчковце, гдѣ долина рѣчки была болотистой. „Когда бѣгушая масса стала спускаться въ долину рѣки, она встрѣчена была атакой 10-й Оренбургской сотни есаула Полозова, которая къ этому времени заняла переправу черезъ рѣку и спѣшила къ полю боя“.

„Оказалось, что есауль Полозовъ, командовавшій правофланговой сотней Оренбургскаго полка, овладѣвшаго д. Ярославице, слыша выстрѣлы и шумъ все еще продолжавшагося къ сѣверо-востоку отъ д. Ярославице боя, по собственной инициативѣ рѣшилъ идти на помощь дивизіи, направившись долиною рѣки. Къ полю боя сотня подходила въ тотъ моментъ, когда австрийцы дрогнули и началось ихъ бѣгство“^{**}).

„Отрѣзанные отъ переправы, австрийцы метались въ разныя стороны... началось ужасное избіеніе... Кто могъ — спасался коннымъ или пѣшимъ черезъ рѣчку въ бродъ; зарядные ящики бросились туда-же въ промежутокъ между роцей и переправой, завязли въ болотѣ и остались тамъ въ числѣ трофеевъ побѣдителя. Груды труповъ валялись у самой переправы, занятой казаками; все, что доскакало до переправы, погибло подъ ударами шашекъ или пикъ, или сраженные пулей“^{***}).

Дальнѣйшее преслѣдованіе велось артиллерійскимъ огнемъ, выхавшаго на новую позиціи 3-го Донскаго конно-артиллерійскаго дивизиона. Бѣглымъ огнемъ онъ разсыялъ пытавшуюся собраться у д. Дворзиска австрийскую конницу и заставилъ ее быстро уйти на сѣверъ.

* * *

Общее число потерь 10-ой кавалерійской дивизіи убитыми и ранеными за весь бой 21-го августа не превышало 150 человекъ.

Намъ не удалось распредѣлить эти данныя по полкамъ, а также по характеру раненія, т. е. отъ огнестрѣльнаго или холоднаго оружія. Между тѣмъ подобное распредѣленіе было бы для насъ очень важнымъ, для того чтобы служить совершенно объективнымъ признакомъ для оцѣнки различныхъ перепитій боя, въ особенности же самага коннаго столкновенія.

Принявъ во вниманіе что: 1) Оренбургскіе казаки понесли потери отъ огня во время своей атаки на пѣхоту, 2) правый флангъ Новгородскихъ драгунъ попалъ подъ пулеметный огонь, 3) хотя бы

*) По показаніямъ Оренбургскихъ казаковъ часть этой сотни приняла участіе въ атакѣ гусарь австрийскихъ батарей, выйдя послѣднимъ въ тылъ.

**) Описаніе полковника Сливинскаго.

минимальныя потери отъ выстрѣловъ непріятельской артиллеріи — мы можемъ заключить, что число убитыхъ и раненыхъ холоднымъ оружіемъ во всякомъ случаѣ менѣе сотни людей. Но въ свою очередь эти потери отъ холоднаго оружія должны быть раздѣлены на двѣ неравныя части: а) одна изъ нихъ большая — это тѣ потери, которыя несутся той стороною, которая начинаетъ поворачивать свой тылъ, то есть тогда когда она уже не нападаетъ, а каждый изъ бойцовъ думаетъ только о своей защитѣ и скорѣйшемъ спасеніи; на основаніи изученія древнихъ боевъ можно считать, что эта часть потерь заключаетъ въ себѣ не менѣе семи-восьмыхъ всѣхъ потерь отъ холоднаго оружія. Такого рода потери должны были выпасть на долю части нашихъ уланскихъ и драгунскихъ эскадроновъ. б) Другая — меньшая часть потерь въ бою холоднымъ оружіемъ выпадаетъ на долю побѣдителя какъ во время самаго столкновенія такъ и во время преслѣдованія повернушаго противника. Какъ малы этого рода потери лучше всего иллюстрируется отвѣтомъ даннымъ мнѣ другимъ моимъ корреспондентомъ генераломъ Барбовичемъ: „Не могу съ точностію указать, сколько было убитыхъ и раненныхъ среди гусаръ, но помню что въ 1-мъ и 2-мъ эскадронахъ (участвовавшихъ въ конной атакѣ) кромѣ потерь въ числѣ не болѣе семи человекъ отъ артиллерійскаго и револьвернаго огня, другихъ потерь не было. По крайней мѣрѣ не было убитыхъ холоднымъ оружіемъ; были легко ранены“.

* * *

Трофеями, захваченными въ бою у Волчковце 10-ой кавалерійской дивизіей, являлись: около 200 пѣнныхъ, около 350 лошадей, 8 орудій съ передками и зарядными ящиками, пулеметы, ящикъ съ канцеляріей штаба 4-ой австрійской кавалерійской дивизіи и многіе предметы военнаго снаряженія.

III.

Передъ тѣмъ какъ приступить къ описанію происходившаго на австрійской сторонѣ — мы считаемъ своимъ долгомъ засвидѣтельствовать глубокую признательность передъ тѣми офицерами, бывшей Австро-Венгерской Императорской и Королевской Арміи за любезно присланныя намъ свѣдѣнія и письма. Особенно цѣнныя данныя были получены отъ полковника барона Егонъ фонъ Вальдштеттенъ (Baron Egon von Waldstätten) и бывшаго начальника штаба 4-й кавалерійской дивизіи майора, нынѣ генерала, Оскаръ де Ревидъ Максонъ (Oskar de Rövid Maxon). Свѣдѣнія перваго послужили основнымъ фактическимъ матеріаломъ, личныя же впечатлѣнія втораго помогаютъ возстановить истинную картину самой атаки.

Съ началомъ войны три австро-венгерскія арміи (см. схему № 7) развернулись отъ р. Вислы до г. Львова (Lemberg) съ цѣлью нанесенія рѣшительнаго удара двумъ русскимъ арміямъ, сосредото-

живающимся между р. Вислой и р. Бугъ. Для обезпеченія своего праваго фланга со стороны двухъ другихъ русскихъ армій, собирающихся въ Дубенскомъ и Проскуровскомъ районахъ, въ Восточной Галиціи была оставлена группа изъ двухъ корпусовъ съ четырьмя кавалерійскими дивизіями. Послѣднія поддержанныя сильными пѣхотными частями имѣли своей ближайшей задачей не позволить русской конницѣ прорвать завѣсу, которою австро-венгерское командованіе закрыло правый флангъ развертыванія своихъ главныхъ силъ. Эта завѣса къ 20 августа держалась на рубежѣ р. Сереть.

Къ вечеру 7/20 августа въ штабъ XI австро-венгерскаго корпуса получены были свѣдѣнія, что крупныя русскія части захватили переправу черезъ р. Сереть у д. Заложце (Zelosche). Командиръ этого корпуса посылаетъ 4-ой кавалерійской дивизіи слѣдующую телеграмму: „Сильный непріятельскій смѣшанный отрядъ съ многочисленной кавалеріей и пушками наступаетъ черезъ Олеювъ на Зборовъ (Zborov). Разъѣзды этого отряда въ двухъ километрахъ отъ Зборова, Плюхова. Изъ Бржезанъ части (fünf Teile) II-ой пѣхотной дивизіи направлены къ Зборову; сегодня вечеромъ онѣ должны достигнуть этотъ городъ. Изъ Тарнополя будетъ двинута къ Зборову одна кавалерійская дивизія. 4-ая кавалерійская дивизія должна выступить рано утромъ и идти на Зборовъ съ цѣлью дѣйствовать въ тылъ противника. Желательно установленіе телефонной связи съ Тарнополемъ, Зборовымъ и Плюховымъ“.

Телеграмма эта была получена въ штабъ 4-ой кавалерійской дивизіи въ 12 часовъ 20 минутъ ночи съ 7/20-го на 8/21-ое августа. Полки и двѣ конныя батареи 4-ой кавалерійской дивизіи находились въ это время на ночлегъ въ районѣ Нужеце (Noujche), два же батальона изъ приданнаго дивизіи ландвернаго № 35 полка въ районѣ д. Харбуевъ (Harboujov). Два эскадрона, одна конная батарея и одинъ батальонъ ландвернаго № 35 полка были въ отдѣлѣ въ районѣ Броды*). Такимъ образомъ общій составъ дивизіи къ утру 21-го августа достигалъ: 22-хъ эскадроновъ, 8 конныхъ орудій, 8 пулеметовъ и 2 батальоновъ приданной пѣхоты**).

Начальникъ дивизіи рѣшаетъ, выступивъ съ конными частями въ 4 часа утра, выйти въ районъ 418 419***), представляющій собой наиболѣе ближайшій возвышенный перегибъ среди окружающей холмистой мѣстности, съ цѣлью выждать здѣсь выясненія обстановки. Ландверный № 35 полкъ направляется имъ въ районъ

*) См. схему № 8.

1-ая бригада:	Уланскаго № 1 полка	6 эскадроновъ
	Драгунскаго № 15 полка	6 эскадроновъ
	Пулеметное отдѣленіе	4 пулемета
2-ая бригада:	Уланскаго № 13 полка	6 эскадроновъ
	Драгунскаго № 9 полка	4 эскадрона
	Пулеметное отдѣленіе	4 пулемета
Конная артиллерія:	II-го конно-артиллерійскаго дивизиона	
	батареи — 1-я и 3-я	8 орудій
Пѣхота:	Ландвернаго № 35 п. 1-й и 2-й батал:	2 батальона

***) См. схему № 2.

д. В. Х. Обыдра (W. H. Obydra). Около 6 часов утра получается донесение, что противникъ будто бы уже занялъ Зборовъ. Генераль Заремба рѣшаетъ продвинуться дальше къ югу: конными частями выйти къ дорогѣ Олеювъ — Зборовъ, пѣхотными — къ высотѣ Жамни (416).

Не доходя деревни Кудобинцы (Kudobintsy), начальникъ дивизіи получилъ новыя свѣдѣнія, что главныя силы противника находятся еще въ районѣ Олеюва и что части II-ой пѣхотной дивизіи не подошли еще къ Зборову. Генераль Заремба поворачиваетъ дивизію назадъ и располагаетъ ее въ полковыхъ колоннахъ непосредственно къ югу отъ деревни Ярославце (Jaroslavitsy), прикрываясь кряжемъ, тянущимся вдоль западной окраины этого селенія*).

Было около 9-ти часовъ утра.

Къ этому времени были получены свѣдѣнія отъ пѣхоты, что она подверглась огневому нападенію со стороны сильныхъ частей русскихъ, наступающихъ отъ Олеюва; батальоны ландвернаго № 35 полка понесли большія потери и вынуждены отступать къ Гукаловцамъ (Khukalovtsy). Со стороны Олеюва былъ слышенъ артиллерійскій огонь. Въмѣстѣ съ этимъ съ высотъ у д. Ярославце можно было видѣть, какъ русскія батареи, стоявшія гдѣ-то въ районѣ высоты Беремовка (Beremovka) стрѣляли съ высоты Жамни (Jamny) по частямъ австрійской пѣхоты, наступающей въ южномъ направленіи. Но вскорѣ же было видно, какъ эти части потекли назадъ (flut ten). Въ направленіяхъ на высоты Беремовка и Острый Гарбъ виднѣлись непріятельскіе дозоры, за которыми поднимались клубы пыли.

Преслѣдуя отходящія части пѣхоты, русскія батареи перенесли огонь по направленію къ укрытымъ въ лоцинѣ колоннамъ 4-ой кавалерійской дивизіи. Бѣглый огонь русскихъ пушекъ прислалъ нѣсколько очередей шрапнелей, разорвавшихся какъ разъ надъ двумя уланскими полками и надъ только что выѣхавшей на позицію конной артиллеріей**).

Описаніе послѣдствій этого неожиданнаго артиллерійскаго обстрѣла я предоставляю одному изъ уланскихъ эскадронныхъ командировъ.

„8/21-го августа утромъ дивизія остановилась къ югу отъ д. Ярославце. Полки находились въ строю „массъ“, фронтомъ на Олеювъ. Часовъ около 9 утра начальникъ дивизіи, находившійся на лѣвомъ флангѣ дивизіи у большого стога сѣна, вызвалъ къ себѣ всѣхъ начальниковъ до командировъ эскадроновъ включительно. Въ это время со стороны Олеюва русская артиллерія открыла стрѣльбу черезъ наши головы по неизвѣстной намъ цѣли. Начальникъ дивизіи приказалъ нашей конной артиллеріи открыть огонь по непріятельскимъ батареямъ. Послѣднія же немедленно перенесли огонь на нашу дивизію. Первые выстрѣлы были перелетами и высокими разрывами. Затѣмъ нѣсколько шрапнелей разорвалось надъ самой дивизіей, вслѣд-

*) См. схему № 9.

***) См. схему № 10.

ствіе чего произошла паника и она ринулась назадъ. Берега небольшой рѣчки, протекавшей въ тылу дивизіи, были обрывисты. Полки и эскадроны перепутались. Большая ихъ часть приняла вправо черезъ д. Ярославце. Вся эта масса проскакала до лоцины, что къ востоку отъ д. Волчковцы. Начальники, прискакавшие отдѣльно (отъ стога), взяли части въ руки, привели ихъ въ порядокъ и построили. Потери отъ артиллерійскаго огня были небольшія. Главнымъ образомъ пострадали всадники, бросившіеся прямо предъ собой къ рѣчкѣ“...

Пока происходилъ вышеописанный инцидентъ, пѣхота неудержимо продолжала свое отступление (Die Landwehr Infanterie setzt Ruckzug un ufhaltsohm fart).

Конныя батареи выѣхали у высоты 410 и вступили въ огневую борьбу съ русской артиллеріей, стрѣляющей изъ-за высоты Беремовка (426). Дивизія же собиралась въ полковыя колонны*).

Генераль Заремба рѣшаетъ передвинуться съ дивизіей къ сѣверу, прикрываясь со стороны противника кряжемъ высоту 418—219, и съ цѣлью дѣйствовать затѣмъ противъ непріятеля черезъ Липникъ и высоту Жамни. Передвиженіе это дивизія дѣлала по полкамъ, примѣняясь къ мѣстности. Правѣе и впереди шель уланскій № 13 полкъ, намѣреваясь перевалить черезъ отрогъ съ отмѣткой 413; за нимъ шель драгунскій № 15 полкъ и конныя батареи; лѣвѣе, вдоль лоцины р. Стрыпы Волчковецка шли уланскій № 1 полкъ и сзади него драгунскій № 9 полкъ.

Во время этого передвиженія совершенно неожиданно была обнаружена русская кавалерія, поднимавшаяся въ сомкнутыхъ строяхъ по восточнымъ скатамъ кряжа 410—418—419. Разстояніе, отдѣляющее отъ нее, не превышало 1000—1500 шаговъ.

Генераль Заремба, находившійся вблизи драгунскаго № 15 полка, рѣшаетъ немедленно же атаковать русскую конницу. Онъ становится самъ со своимъ штабомъ во главѣ этихъ драгунъ и лично ведетъ ихъ въ атаку. На ходу драгунскій № 15 полкъ принимаетъ слѣдующее построеніе: три эскадрона въ первой линіи, за правымъ флангомъ на уступѣ одинъ эскадронъ, за лѣвымъ полтора эскадрона ($\frac{1}{2}$ эскадрона были въ расходѣ).

Почти въ то же время увидѣли надвигающихся русскихъ уланы № 13 полка. Шедшій вторымъ дивизионъ (два эскадрона) маіора Видаль (Vidale) выстраиваетъ по командѣ послѣдняго фронтъ направо и, слѣдуя примѣру своего командира, бросается въ атаку. Дивизионъ этого же полка, слѣдовавшій въ головѣ, скачетъ на сѣверъ, т. к. командиръ его получилъ тревожное донесеніе о появленіи непріятеля съ сѣвера. Одно изъ пулеметныхъ отдѣленій, шедшее съ уланскимъ № 13 полкомъ, выскакиваетъ подъ прикрытіемъ полуэскадрона этого полка на высоту 419 и беретъ подъ фланговый огонь атакующую русскую конницу.

Одновременно съ атакой драгунъ № 15 и уланъ № 13 полковъ выскакиваетъ на позицію впереди небольшой роты 1-я конная бата-

*) См. схему № 11.

рея, но сейчас же она разстрѣлана русской артиллеріей, 3-ей же батарее не удается выхвать — ея лошади перебиты, передки разбиты и она застреваетъ по пути въ болотистой лоцинѣ.

Драгунскій № 9 и уланскій № 1 полки не приняли участія въ конной атакѣ. Находясь въ лоцинѣ къ сѣверу отъ выселковъ д. Волчковце, они не получили никакихъ приказаній. Пока они его ожидали, бой драгунъ № 15 и уланъ № 13 полковъ окончился въ пользу русскихъ. Видя общее отступленіе этихъ полковъ, они отошли къ д. Дворжиска (Dvorzhyska), куда генераль Заремба приказалъ собираться частямъ дивизіи. Но здѣсь опять на собирающуюся австрійскую конницу обрушился огонь русской конной артиллеріи. Части 4-ой кавалерійской дивизіи продолжали свое отступленіе далѣе къ Колетову и окончательно собрались у Сассова (Sassov*), отстоявшаго отъ поля сраженія на 20 километровъ.

Вотъ краткій перечень событій, происшедшихъ въ 4-ой кавалерійской дивизіи во время боя 8/21-го Августа. Остановимся теперь на тѣхъ подробностяхъ коннаго столкновенія, которыя намъ удалось выяснитъ изъ разсказовъ участниковъ боя на австрійской сторонѣ.

8/21-го Августа 1914 г. бывший начальникъ штаба дивизіи майоръ, нынѣ генераль, Оскаръ де-Ревидъ Максонъ (Oskar Maxon de Rövid), любезно отвѣтилъ мнѣ на нѣкоторые изъ заданныхъ мной вопросовъ. Его свидѣтельство тѣмъ болѣе цѣнно, что онъ принялъ фактическое участіе въ столкновеніи драгунскаго № 15 или, такъ называемыхъ, „Бѣлыхъ Драгунъ“. Вмѣстѣ со своимъ начальникомъ дивизіи онъ первымъ столкнулся съ врагомъ. Майоръ Максонъ получилъ при этомъ ударъ шашкой и два укола пикой. Затѣмъ его лошадь во время дальнѣйшаго движенія впередъ свалилась въ канаву, заросшую травой, и майоръ Максонъ получилъ очень тяжелые ушибы. Подобранннй однимъ изъ драгунъ онъ былъ вывезенъ изъ боя.

Согласно впечатлѣніямъ майора Максонъ драгунскій № 15 полкъ атаковалъ въ юго-восточномъ направленіи лѣвый флангъ 1-ой русской линіи. На приводимой схемѣ № 11 показано какъ представлялось ему расположеніе сторонъ во время атаки. „Мы встрѣтили сначала, пишетъ онъ, рой всадниковъ,**) которые отдѣлились отъ русскаго фланга и выстраивали противъ насъ фронтъ. Мы прошли черезъ него (diesen durchritten wir) и встрѣтились съ сомкнутыми частями, составлявшими повидимому 2-ую линію или резервы“.

Припомнимъ что построеніе 10-й кавалерійской дивизіи было въ одну линію съ двумя гусарскими эскадронами въ видѣ уступа за лѣвымъ флангомъ. Резерва у графа Келлера не было и въ критическую минуту на центральномъ участкѣ боя онъ бросилъ въ атаку свой конвой (взводъ казаковъ) и штабъ. Майоръ де Ревидъ Максонъ два раза предупреждаетъ въ письмѣ, что изложенное есть лишь то, что ему казалось. Тѣмъ интереснѣе его слова сопоставить

*) См. схему № 7.

***) Wir trafen daher zuerst auf einen schwarm der sich vom russischen flügel losgelöst hatte und gegen uns front machte.

съ тѣмъ, что „казалось“ графу Келлеру и его начальнику штаба*). Возстановивъ эти „кажущіяся картины“, мы подойдемъ ближе къ той внутренней сторонѣ боя, безъ пониманія которой правильное представленіе о реальностяхъ коннаго боя невозможно.

Происходившее въ уланскомъ № 13 полку записано со словъ одного изъ офицеровъ этого полка.

По возстановленіи порядка въ частяхъ дивизіи, генераль Заремба приказалъ уланскому № 13 полку двинуться на сѣверъ (цѣль движенія, а равно имѣвшіяся тогда въ штабѣ дивизіи свѣдѣнія о противникѣ рассказчику не были извѣстны). Полкъ двинулся, имѣя два эскадрона въ головѣ въ качествѣ авангарда. Онъ обогнулъ Выселки д. Волчковце съ восточной стороны и сталъ проходить по западному склону возвышенности, поднимавшейся восточнѣе этихъ выселковъ. Вдругъ на гребнѣ возвышенности появился дозорный, показывавшій надъ головой сигналъ „появленіе непріятеля“ и кричавшій „непріятель“ (Der Feind). Рассказчикъ, находившійся въ хвостѣ авангарда, увидѣлъ затѣмъ какъ шедшіе сзади два эскадрона построили фронтъ направо и вмѣстѣ съ этимъ услышалъ сигналъ трубача „атака“. Въ слѣдующее мгновеніе онъ увидѣлъ, какъ уланы пошли галопомъ, а на встрѣчу скакали русскіе. Все столкновеніе длилось минуты двѣ.

Согласно рассказамъ офицеровъ уланскаго № 13 полка, бывшихъ въ двухъ заднихъ эскадронахъ, майоръ Видалъ тотчасъ же при появленіи дозорнаго выскочилъ на возвышенность и приказалъ трубачу играть сигналъ „атака“. Аллюръ, которымъ пошли уланы, былъ галопъ. Русскіе, атаковавшіе внизъ по скату, шли не широкимъ аллюромъ, а рысью или короткимъ галопомъ. Уланъ поразило то, что русскіе всадники пригибались къ сѣдлу и казались на сѣдлѣ очень маленькими**). Русскіе шли сомкнутымъ строемъ, австрійцы тоже. Насколько можно судить, само столкновеніе произошло на малыхъ аллюрахъ. Что происходило въ моментъ столкновенія,—точно описать никто не можетъ. Австрійцы утверждаютъ, что вскорѣ обѣ стороны повернули назадъ. Обѣ кавалеристахъ, раздавленныхъ лошадьми или ими смятыхъ, рассказчики вспомнить не могутъ, между тѣмъ довольно подробно перечисляютъ раненія. Доблестный майоръ Видалъ былъ раненъ шашкой въ лицо. Одинъ офицеръ получилъ также шашечный ударъ въ лицо и его спасла чешуя подбороднаго ремня. На лѣвомъ флангѣ дивизіона майора Видалъ открыло огонь австрійское пулеметное отдѣленіе. Какъ представлялось тогда участникамъ, огонь пулеметовъ нанесъ русскимъ большія потери. Въ

*) Сравните со схемой № 5.

***) Согласно русскому уставу во время атаки всадники ставятъ пику въ горизонтальное положеніе, а тѣ изъ нихъ, которые вооружены только шашкой, вытягиваютъ правую руку съ шашкой въ горизонтальномъ положеніи впередъ; при этомъ они наклоняютъ весь корпусъ впередъ, т. е. лошади къ моменту столкновенія должны быть пушены въ карьеръ. Совершенно естественно могло случиться, что всадники, бессознательно уменьшившіе передъ столкновеніемъ аллюръ, столь же бессознательно продолжали нагибаться впередъ, исполняя то, чему ихъ усиленно учили въ мирное время.

свою очередь русские пулеметы открыли огонь гдѣ то въ тылу за лѣвымъ австрійскимъ флангомъ, что произвело тяжелое моральное впечатлѣніе на австрійцевъ.

Потери, понесенныя 4-ой кавалерійской дивизіей въ бою 8/21 августа, указаны въ приводимой ниже таблицѣ (составлена изъ данныхъ, сообщенныхъ полковникомъ Вальдштеттенъ).

НАИМЕНОВАНИЕ ЧАСТЕЙ	Убитые		Раненые		Плѣнные	
	Офицеры	Нижн. чины	Офицеры	Нижн. чины	Офицеры	Нижн. чины
Штабъ дивизіи	1	1	3	—	1	1
Драгунскій № 15 полкъ . . .	1	40	6	6	2	74
Уланскій № 13 полкъ	—	4	4	25	7	109
Драгунскій № 9 полкъ	—	—	—	9	—	14
Уланскій № 1 полкъ	?	?	?	?	?	?
1-я и 3-я батареи II-го кон. арт. дивиз.	1	22	1 оф.	36	нижн.	чин.

Указать, какъ распределяются потери между холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ, не представляется возможнымъ. Тѣмъ болѣе трудно точно установить какая часть этихъ потерь относится къ моменту самаго столкновенія. Но все таки мы попытаемся подойти хотя бы и къ очень приблизительному рѣшенію этого вопроса.

При разсмотрѣніи выше приведенной таблицы прежде всего бросаются въ глаза потери штаба дивизіи. Почти весь офицерскій составъ штаба перераненъ и какъ удалось выяснить — холоднымъ оружіемъ. Доблестный штабъ 4-ой кавалерійской дивизіи, какъ мы видѣли выше, участвовалъ въ столкновеніи въ первыхъ рядахъ бойцевъ.

Въ данныхъ о потеряхъ драгунъ № 15 полка обращаетъ на себя вниманіе соотношеніе между убитыми и ранеными: первыхъ 41, вторыхъ 12. Поправка, которую слѣдуетъ внести въ эти цифры, заключается въ томъ, что часть раненыхъ, попавшихъ въ плѣнъ, не попала на учетъ австрійскаго штаба. Въ этомъ можно убѣдиться при сличеніи поименнаго списка раненыхъ офицеровъ. Вспомнимъ условія въ которыхъ протекалъ бой „Бѣлыхъ“ драгунъ. Имѣвшіе успѣхъ при столкновеніи съ русскими уланами, они затѣмъ подверглись атакѣ во флангъ русскихъ гусаръ. Большая часть раненыхъ „Бѣлыхъ“ драгунъ не могла быть поэтому вывезена съ поля битвы. Но считая даже, что половина плѣнныхъ „Бѣлыхъ“ драгунъ была переранена, общая цифра раненыхъ достигаетъ лишь 50 человекъ. Прибавивъ къ этому число убитыхъ, мы получимъ общую цифру потерь около 90.

Не будемъ повторять здѣсь то, что мы говорили выше, когда мы разбирали вопросъ о потеряхъ русской 10-ой кавалерійской дивизіи. Придерживаясь того же порядка идей, мы можемъ настаивать, что и у „Бѣлыхъ“ драгунъ потери, понесенные въ минуту перваго столкновенія, составляютъ величину несравненно меньшую, чѣмъ число зарубленныхъ и израненныхъ русскими во время преслѣдованія. Насколько большая часть потерь должна выпасть на этотъ заключительный актъ боя можно судить хотя бы изъ того отрывка воспоминаній полковника Сливинскаго, гдѣ онъ рассказываетъ о томъ, что произошло сколо переправы черезъ р. Стрыпу Волчовецкую, въ томъ мѣстѣ, гдѣ вышла сотня Оренбургскаго казачьяго полка: „Отрѣзанные отъ переправы, австрійцы метались въ разныя стороны... Началось ужасное избіеніе... Кто могъ спастись коннымъ или пѣшимъ черезъ рѣку вбродъ... Груды труповъ валялись у переправы, занятой казаками; все, что доскакало до переправы, погибло подъ ударами шашекъ или пикъ, или сраженное пулей“.

Съ большой долей вѣроятности можно придти къ выводу, что во время самага столкновенія потери драгунскаго № 15 полка не превышали двухъ десятковъ людей.

Часть потерь уланскаго № 13 полка должна быть отнесена на долю огня русскихъ батарей, обстрѣлявшихъ полкъ во время его остановки къ югу отъ д. Ярославце. При сравненіи потерь этого полка съ потерями „Бѣлыхъ“ драгунъ, нельзя не обратить вниманія на разницу въ числѣ убитыхъ. Указаніе на то, что въ конномъ бою участвовало лишь два эскадрона уланъ, т. е. почти въ три раза меньше, чѣмъ драгунъ, не можетъ служить достаточнымъ объясненіемъ. Намъ кажется, что послѣднее слѣдуетъ искать въ различіи условій, въ которыхъ протекали бои австрійскихъ драгунъ и уланъ. Первые, повернувшіе назадъ послѣ атаки во флангъ русскихъ гусаръ, попали на участокъ р. Стрыпы Волчовецкой, менѣе удобно проходимый, гдѣ подверглись избіенію преслѣдующихъ русскихъ гусаръ и вышедшихъ въ тылъ казаковъ. Уланы же дивизіона маіора Видаль, послѣ своего поворота назадъ, скакали къ лоцинѣ, что къ востоку отъ выселокъ д. Волчковцы, по мѣстности вездѣ удободоступной; кромѣ того, около выселокъ д. Волчковцы находились другіе два полка 4-й кавалерійской дивизіи и поэтому преслѣдованіе русскихъ не могло такъ свободно развиваться, какъ противъ „Бѣлыхъ“ драгунъ.

Большое число пѣнныхъ можетъ быть объяснено тѣмъ, что „духъ“ уланскаго № 13 полка былъ въ минуту столкновенія ниже, чѣмъ у „Бѣлыхъ“ драгунъ: уланы, незадолго передъ атакой, послѣ неожиданнаго обстрѣла русской артиллеріей, подверглись паникѣ. Худшимъ состояніемъ „духа“ уланъ, можетъ быть, объясняется и тотъ фактъ, что головной дивизіонъ ускакалъ на сѣверъ въ моментъ, когда его несомнѣннымъ долгомъ являлось поддержать своихъ однополчанъ, пошедшихъ подъ командой маіора Видаль въ конную атаку.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, мы позволимъ себѣ выска-

затъ предположеніе, что число раненыхъ уланъ среди плѣнныхъ было меньшимъ, чѣмъ „Бѣлыхъ“ драгунъ, также какъ и число потерь во время самаго столкновѣнія.

Въ итогѣ, для всей дивизіи мы можемъ придти къ выводу, что общее число убитыхъ и раненыхъ въ моментъ столкновѣнія не превышаетъ 50 человекъ, и весьма вѣроятно менѣе 40.

Изъ 22 эскадроновъ 4-й кавалерійской дивизіи участвовало въ конномъ бою всего 8. Остальные оказались лишь присутствующими или ушедшими съ поля битвы. Этотъ фактъ является очень характернымъ съ психологической точки зрѣнія. Явленія подобнаго рода чрезвычайно часты и происходятъ въ каждомъ сраженіи и въ каждой арміи. Они являются слѣдствіемъ основнаго психическаго закона боя — а именно того, что каждое пораженіе имѣетъ въ своей основѣ отказъ отъ борьбы одной изъ сторонъ. Прослѣдить проявленія этого закона, стараго, какъ само человѣчество, трудно, потому что участники предпочитаютъ скрывать всѣ явленія подобнаго рода.

Когда же одно изъ этого рода явленій все таки обнаруживается, то читатель, привыкшій къ „языку реляцій“ и къ „героямъ рассказовъ“, легко можетъ впасть въ серьезную ошибку и произнести надъ „правдой“ и „истинными героями“ строгій приговоръ. Противъ подобной критики мы и предостережемъ. Самыя лучшія въ исторіи войсковыя части переживали минуты моральной депрессіи. Въ подобной моральной обстановкѣ очутилась 4-ая кавалерійская дивизія у д. Волчковцы. Части ея только что попали у д. Ярославце подѣ обстрѣлъ русской артиллеріи. Двигаясь отъ д. Волчковцы на сѣверъ, 4-ая кавалерійская дивизія совершенно внезапно атакована вынырнувшей изъ лощины русской кавалеріей. Атака послѣдней была столь неожиданной, что начальникъ дивизіи становится самъ во главѣ ближайшаго къ нему полка.

Это имѣетъ свои отрицательныя послѣдствія. Управление дивизіей прекращается. Моральныя центробѣжныя силы боя не встрѣчаютъ передъ собою объединяющей воли начальника и въ битву идутъ только тѣ части, во главѣ которыхъ находятся герои вроде майора Видаль. Послѣднихъ же вездѣ и всегда неизмѣримо меньше, чѣмъ желающихъ уклониться или оттянуть рѣшительную минуту. Несмотря на это, неправъ будетъ тотъ историкъ, который не укажетъ на то, что у генерала Заремба были серьезные мотивы, чтобы все таки лично повести въ атаку первую же находившуюся подѣ рукой часть. Причины лежали въ области психической и для того чтобы ихъ вполне понять нужно принять во вниманіе то, что происходило въ ландверномъ № 35 полку*). Выступивъ по направленію В. Х. Обыдра, онъ согласно полученному отъ начальника дивизіи приказанію повернулъ на Лопушаны и далѣе на Жамни. Во время этого движенія онъ подвергся нападенію русскихъ частей со стороны Олеюва. (Это были спѣшенные части русской 9-й кавалерійской дивизіи, двигавшейся со стороны Заложце, гдѣ она имѣла начлегъ)

*) См. схема 8, 9, и 10.

Артиллерія непріятеля, выѣхавшая въ районъ къ сѣверу отъ Олеюва стала громить австрійскую пѣхоту, не имѣвшую въ своемъ распоряженіи пушекъ. Задній баталіонъ очень скоро началъ отступать. Тѣмъ временемъ авангардъ ландвернаго № 35 полка подходилъ къ высотѣ Жамни откуда онъ началъ наступленіе въ южномъ направленіи. Здѣсь онъ подвергся перекрестному артиллерійскому огню русской артиллеріи, стрѣлявшей со стороны Олеюва и со стороны высоты Беремовки. Около 9 часовъ утра авангардъ и подошедшія къ нему роты головного баталіона тоже начали отступать. Русская артиллерія со стороны Олеюва преслѣдуетъ все время огнемъ отходящую по направленію къ Гукаловцамъ, разбившуюся на мелкія группы, пѣхоту. вмѣстѣ съ этимъ русскія части со стороны Олеюва тѣснятъ съ фронта сохранившія порядокъ части ландвера. Генераль Заремба получаетъ свѣдѣнія о неудачѣ своей пѣхоты около 9 час. утра, когда онъ находился къ югу отъ д. Ярославце. Въ это же время онъ вмѣстѣ съ прочими чинами 4-ой кавалерійской дивизіи могъ своими глазами видѣть разгромъ ландвера у высоты Жамни. Совершенно естественно, что вниманіе начальника дивизіи такъ и всей дивизіи приковывается къ русскимъ, наступающимъ отъ Олеюва. Потери, понесенныя въ этотъ день ландвернымъ № 35 полкомъ, могли лишь усиливать это впечатлѣніе*). Вслѣдствіе этого хотя русская 9-ая кавалерійская дивизія и не успѣваетъ принять непосредственное участіе въ конномъ бою у Волчковцы, тѣмъ не менѣе ея присутствіе тяжелымъ грузомъ давитъ на дѣйствія австрійской 4-ой кавалерійской дивизіи. Роль сыгранная 9-ой русской кав. дивизіей можетъ быть уподоблена той блестящей точкѣ, на которую любятъ направлять взглядъ гипнотизируемаго субъекта гипнотизеры. Впечатлѣніе отъ неожиданности появленія вынырнувшихъ изъ лощины всего въ 1000 — 1500 шагахъ атакующихъ въ конномъ строю русскихъ полковъ должно было достигнуть своего максимума. При такой обстановкѣ, по всей вѣроятности, генераль Заремба считалъ, что требовался личный примѣръ начальника.

IV.

Въ войну 1914 года кавалеріи европейскихъ государствъ выступили съ исповѣданіемъ теоріи „шока“. Болѣе или менѣе, конечно. Русско-Японская и Англо-Бурская войны заставили многихъ призадуматься. Введены были поправки. Больше всего ихъ сдѣлано было въ Германіи. Но все таки вѣра въ „шокъ“, какъ рѣшающее средство борьбы кавалеріи, продолжала быть крѣпкой.

*) 1-й и 2-й баталіоны ландвернаго № 35 пѣх. полка потеряли въ бою 21-го августа:

	убитыми	ранеными	безъ вѣсти пропавшими и плѣнными
Офицеровъ	5	3	11
Нижнихъ чиновъ	28	120	789
	33	13	300

Вотъ въ этомъ отношеніи бой у Волчковце чрезвычайно поучителенъ. Двѣ кавалерійскія массы столкнулись въ сомкнутомъ строю.

Первое, что должно поразить внимательнаго изслѣдователя,—это малое количество потерь.

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ двѣ крупныя массы, сталкивающіяся между собою на полномъ карьерѣ. Какое большое число убитыхъ и зашибленныхъ должно было бы остаться на полѣ столкновенія, какъ слѣдствіе общаго закона механики, согласно которому

сила удара измѣряется формулой: $\frac{mv^2}{2}$! Мы вневольно вспомина-

емся здѣсь случай, когда на кавалерійскихъ маневрахъ въ Красномъ Селѣ въ двухъ эскадронахъ, обозначавшихъ взаимную конную атаку, два фланговыхъ всадника столкнулись на полномъ ходу: одинъ изъ нихъ остался на мѣстѣ съ раскроеннымъ черепомъ, другой — поплатился тяжелыми увѣчьями.

Въ бою у Волчковце во время самаго столкновенія потери отъ холоднаго оружія въ каждой изъ кавалерій измѣряются всего 40-50 всадниками!

А между тѣмъ въ этомъ бою столкнулось и рубилось съ русской стороны 10 эскадроновъ, а съ австрійской — 8, т. е. не менѣе 1800 всадниковъ. Такимъ образомъ процентъ потерь при столкновеніи достигаетъ лишь 5%.

Выводъ на первый взглядъ поражающій и противорѣчающій самой теоріи „шока“... и показывающій всю ея ложность.

Боевой опытъ есть единственный и неопровержимый судья для всѣхъ „военныхъ теорій“.

Ложность теоріи „шока“ и заключалась въ томъ, что она строила свои выводы слишкомъ теоретически; она выдвигала на первое мѣсто „механическое начало“, забывая, что на поляхъ сраженій господствуетъ духовная сторона явленій. Въ минуты опасности „плоть“ говоритъ въ людяхъ такъ громко, что заглушаетъ въ большинствѣ изъ нихъ всѣ доводы разума. Скачущія другъ другу навстрѣчу конницы не представляютъ собою двѣ неодушевленныя массы, подчиняющіяся лишь законамъ матеріи. Въ этихъ массахъ, состоящихъ изъ людей, со всѣмъ ихъ сложнымъ духовнымъ строеніемъ, еще ранѣе механическаго столкновенія происходитъ процессъ психическаго характера, который разлагаетъ эти массы и, очень часто, заставляетъ ихъ повернуть.

Чтобы пояснить это читателю на примѣрѣ, я расскажу случай свидѣтелемъ котораго я былъ всего въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ.

Два эскадрона — одинъ русскій и одинъ австрійскій, выйдя изъ складокъ мѣстности, оказались неожиданно одинъ противъ другаго въ конномъ строю на разстояніи не болѣе 1000 шаговъ. Оба они немедленно на галопѣ развернулись и пошли на встрѣчу другъ другу. Сейчасъ же вслѣдъ за первыми движеніями я былъ пораженъ слѣдующей картиной: въ пыли, окутывающей австрійскій эскадронъ, я увидѣлъ, что онъ начинаетъ растягиваться въ длину (я стоялъ сбоку); съ каждымъ мгновеніемъ растяжка увеличивалась. Моменты

столкновения я замѣтить не могъ, т. к. въ полномъ смыслѣ слова онъ совпалъ съ тѣмъ, что я ясно увидѣлъ всадниковъ — русскихъ и австрійцевъ — скачущихъ въ одномъ и томъ же направленіи, къ лѣсу, изъ котораго вышли австрійцы. Я повялъ тогда, что превращеніе развернутаго строя въ „яйцо“ происходило оттого, что болѣе робкіе австрійскіе всадники второй шеренги начали сразу осаживать своихъ коней, послѣ чего это осаживаніе распространилось на другихъ и превратилось затѣмъ въ общій поворотъ назадъ, такъ что къ секундѣ окончательнаго сближенія, австрійцы оказались въ перемѣшку съ нашими всадниками, скачущими къ лѣсу.

Подобный процессъ происходитъ и происходилъ раньше во всѣхъ кавалерійскихъ столкновенияхъ. Поэтому такъ часто и не происходитъ самаго столкновения: одна изъ сторонъ раньше повернула, а то и обѣ. Въ бою у Волчковце обѣ конницы оказались столь доблестными, что дошли и до самаго столкновения, но аллюръ уменьшился и въ свалку „въѣхали“ самые храбрые, которые ведутъ за собою толпу, тѣ, которымъ имя — герои. Въ первый же мгновеніи на каждомъ изъ участковъ боя начались „повороты назадъ“. Въ центрѣ — это были русскіе, на сѣверномъ участкѣ, повидимому, — обѣ стороны, на южномъ — это были австрійцы. Среди этихъ образовавшихся „конныхъ толпъ“, мечущихся по полю сраженія, происходятъ инциденты вродѣ описаннаго полковникомъ Сливинскимъ, который имѣлъ мѣсто въ центрѣ: появленіе подходящихъ сзади, сохранившихъ организацию частей. Онъ является теперь рѣшающими часть боя; вокругъ нихъ кипитъ „стихія толпы“, образовавшейся изъ дезорганизованныхъ уже столкнувшихся частей. Въ этой стихіи царствуетъ безраздѣльно одно эмаціональное начало и она „бѣжитъ“ или впередъ, или назадъ.

Напомню здѣсь подробность изъ воспоминаній Сливинскаго о томъ моментѣ, когда графъ Келлеръ приказываетъ взводу своего конвоя атаковать скачущій въ порядкѣ австрійскій эскадронъ: „Штабъ и конвой съ мѣста понеслись во флангъ проходившему мимо насъ эскадрону. Начальникъ конвоя, сотникъ Пензинъ, скакавшій рядомъ со мной, выхватилъ изъ кобуры револьверъ, прицѣлился и выстрѣлилъ... Несшійся впереди австрійскаго эскадрона командиръ его — польскій графъ — замертво свалился съ лошади, сраженный его пулей... Эскадронъ не выдержалъ нашей атаки; исполнивъ забѣздъ „по-взводно налѣво“ онъ сталъ быстро уходить съ поля сраженія на сѣверъ; за нимъ потянулись беспорядочныя группы всадниковъ“... Обратите вниманіе: здѣсь тоже „шока“ не было — эскадронъ повернулъ подъ впечатлѣніемъ атаки во флангъ значительно меньшихъ силъ.

Изучая письма участниковъ этого боя, я видѣлъ только постоянное подтвержденіе того факта, что хотя конницы и наѣхали другъ на друга, но участь столкновения была на всѣхъ участкахъ морально рѣшена до момента „механическаго столкновения“. Этимъ объясняются тѣ наблюденія, вродѣ указаннаго Барбовичемъ: „Я увидѣлъ, что австрійцы не нападаютъ..., а только прикрываются, показывая

спины". — Это происходило на руескомъ лѣвомъ флангѣ (на южномъ участкѣ поля столкновенія), гдѣ два эскадрона Ингерманландскихъ гусарь неожиданно для австрійскихъ „Бѣлыхъ“ драгунъ, атаковали ихъ во флангъ и тылъ.

Въ письмахъ австрійскихъ участниковъ вы увидите подобныя же наблюденія въ центрѣ, гдѣ успѣхъ былъ въ началѣ на ихъ сторонѣ. „Мы встрѣтили сначала рой всадниковъ (Wir trafen zuerst vufeimen schwarm). Мы пришли черезъ нихъ (dieser durchritten Wir) и встрѣтились съ сомкнутыми частями, составлявшими повидимому 2-ую линію или резервы“. Вотъ какъ описываетъ первую встрѣчу начальникъ штаба 4-й австрійской кавалерійской дивизіи Оскаръ де Ровидъ Максонъ, который вмѣстѣ со своимъ начальникомъ дивизіи лично „вели“ атаку. Таковы его впечатлѣнія. На самомъ же дѣлѣ это былъ уже начавшійся „разлагаться“ сомкнутый строй уланъ. Мы знаемъ также, что ни второй линіи, ни резервовъ у гр. Келлера не было, а то, что принимается австрійцами въ пылу боя за нихъ, былъ конвойный взводъ съ небольшою группою ординарцевъ, брошенные Келлеромъ какъ послѣдняя песчинка на вѣсы побѣды.

„Поворотъ всадниковъ назадъ“ — есть одно изъ внѣшнихъ проявленій того психическаго процесса, которымъ кончается каждый бой — въ томъ числѣ и конный — и который мы можемъ формулировать въ слѣдующихъ словахъ: „отказъ отъ борьбы“.

Этотъ психическій процессъ находитъ свое выраженіе и въ другихъ формахъ. Наиболее рѣзко онъ виденъ для изслѣдователя, когда онъ выливается въ формѣ отказа отъ борьбы со стороны старшаго начальника, приказывающаго отойти или останавливающаго атаку или, наконецъ, что особенно часто бываетъ въ конницѣ, не рѣшающагося боситься въ конную атаку.

Бой у Волчковце представляетъ особенный интересъ, т. к. оба начальника оказались въ высшей степени доблестными и рѣшительными; и генералъ гр. Каллеръ и генералъ Заремба ищутъ возможности атаки, бросаютъ въ нее свою конницу и если такъ можно выразиться, „играютъ“ до конца. Генералъ Заремба показалъ это, ставъ лично во главѣ „Бѣлыхъ“ драгунъ. Графъ Келлеръ не ведетъ лично части въ бой; онъ находится въ болѣе счастливыхъ условіяхъ, его личный примѣръ для частей 10-ой кавалерійской дивизіи не нуженъ и онъ можетъ до послѣдней минуты оставаться начальникомъ руководящимъ боемъ. Но какую мѣру рѣшимости и доблести онъ долженъ былъ проявить, можетъ быть лучше всего характеризовано его собственными словами, сказанными имъ послѣ боя ротмистру (нынѣ генералу) Барбовичу, командовавшему дивизиономъ Ингерманландскихъ гусарь. „Когда я бросилъ свой послѣдній резервъ — конвой, я вынулъ револьверъ (сердце у меня чуть не выпрыгнуло) и рѣшилъ, если побѣгутъ, пуцну себѣ пулю въ лобъ“. Нужно знать графа Келлера, который поражалъ всѣхъ своимъ личнымъ мужествомъ и, который сумѣлъ геройски встрѣтить смерть въ Кіевѣ (въ 1919 году) изъ-за отказа надѣть германскую шинель.

и этимъ переодѣваніемъ спастись отъ разстрѣла петлюровцами (украинцами), чтобы понять всю драматическую силу его словъ.

Оба начальника и генералъ графъ Келлеръ и генералъ Заремба оказались тѣми истинными боевыми начальниками, доблестью которыхъ каждая армія можетъ гордиться, не считаясь даже съ тѣмъ, на чей сторонѣ была побѣда. „Отказъ отъ борьбы“ исходилъ не отъ нихъ.

Въ подобныхъ случаяхъ этотъ психическій процессъ, находить сферу приложенія въ средѣ второстепенныхъ начальниковъ. Это мы и видимъ на австрійской сторонѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, задайте себѣ вопросъ, почему изъ 22-хъ эскадроновъ 4-ой австрійской кавалерійской дивизіи приняло участіе лишь 8?

3 эскадрона уланскаго № 13 полка, какъ мы знаемъ, ускакало на сѣверъ. Австрійскій источникъ объясняетъ это ошибочными донесеніями о появленіи тамъ непріятеля. Мы знаемъ также, что эти донесенія не были такъ ошибочными, какъ думаетъ австрійскій авторъ; тамъ начали появляться передовыя части 9-ой русской кавалерійской дивизіи. Но въ тотъ моментъ, когда маіоръ Видаль (командиръ дивизіона уланскаго № 13 полка, шедшаго въ хвостъ полка) началъ по своей инициативѣ выстраивать свой дивизіонъ для атаки внезапно вынырнувшихъ изъ складокъ мѣстности русскихъ драгунъ, для командира уланскаго № 13 полка, а также для командира впереди идущаго дивизіона, не могло быть другого рѣшенія: поддержать немедленной атакой своихъ доблестныхъ однополчанъ. Только такое рѣшеніе можетъ считаться истинно кавалерійскимъ. Не есть ли происшедшее въ уланскомъ № 13 полку одинъ изъ выявленныхъ „отказа отъ борьбы“, однимъ изъ этаповъ моральнаго „разложенія“?

А вотъ другой фактъ.

Два полка драгунскій № 9 и уланскій № 1 простаиваютъ во время коннаго столкновенія у Выселковъ Волчковце въ полуверстѣ отъ мѣста рубки. Они ожидаютъ приказанія начальника дивизіи! Пусть читатель самъ скажетъ свое сужденіе, мы же съ еще большей увѣренностью будемъ утверждать, что это — проявленіе „разлагающаго вліянія боя“.

Всѣ великіе полководцы были прежде всего великими сердце-вѣдами. Въ этомъ ихъ характерное отличіе отъ тѣхъ „теоретиковъ“ военнаго искусства, которымъ самимъ не пришлось пройти серьезную боевую школу.

И Наполеонъ, и Фридрихъ II Прусскій, требуютъ отъ своихъ конницъ при производствѣ конной атаки сомкнутой и равненія.

Требованіе Наполеона и Фридриха и служило тѣмъ доказательствомъ, на которомъ строили защитники „шока“ свою доктрину.

Но, если вы подойдете къ пониманію явленій боя, стоя все время на психологической точкѣ зрѣнія, то вы убѣдитесь въ томъ, что и Наполеонъ и Фридрихъ II, предъявляя свои требованія, меньше

всего думали о законахъ механики. Мотивы ихъ требованій были иного порядка.

Первой причиною являлось то, что для участія въ бою холоднымъ оружіемъ боець долженъ быть увѣренъ въ непосредственной поддержкѣ его сосѣдями, защищающими его фланги и тылъ. Безъ этого его участіе въ бою морально чрезвычайно трудно и требуетъ отъ него очень высокихъ моральныхъ качествъ и степени боевой подготовки.

Второй причиною являлось то, что при тѣсной сомкнутости строя поворотъ отдѣльныхъ всадниковъ назадъ фактически невозможенъ. На подобной сомкнутости особенно настаивалъ Фридрихъ II, неувѣренный въ качества своихъ вербованныхъ войскъ. Въ своемъ требованіи сомкнутости онъ доходилъ до того, что, какъ говорятъ современники, бывали случаи, когда всадники, находившіеся въ срединѣ двигавшихся на встрѣчу массъ, бывали подняты на воздухъ. На флангахъ ставились лучшіе люди — унтеръ-офицеры и такимъ образомъ рядовые всадники были какъ бы замурованы въ развернутыхъ строяхъ линій удара. Эти компактные массы, которымъ было открыто только одно направленіе „впередъ“ въ полномъ смыслѣ слова должны были „вести“ своими начальниками.

Такимъ образомъ требованія Наполеона и Фридриха являлись только приемами подвода къ столкновенію.

Посмотримъ теперь на примѣръ боя у Волчковце насколько оказались применимы методы подобнаго „подвода“ кавалерійскихъ массъ. Будемъ при этомъ помнить, что это единственный случай изъ всѣхъ многочисленныхъ попытокъ, которыя дѣлались и которыя неизмѣнно кончались тѣмъ, что позвившіеся въ сферѣ артиллерійскаго огня сомкнутые кавалерійскіе строи разстрѣливались неприятелемъ, не имѣя даже чести увидѣть въ лицо его. Объ одномъ изъ подобныхъ случаевъ я рассказывалъ въ моемъ очеркѣ, посвященномъ Яновскому бою.

Обратимся къ австрійской сторонѣ. Австрійскіе кавалерійскіе начальники были еще болѣе правовѣрными послѣдователями религии „шока“ нежели мы. Этимъ и объясняется то, что ген. Заремба таскаетъ все утро 20-го августа свою дивизію въ компактныхъ строяхъ въ районъ будущаго столкновенія. Принимая выжидательное расположеніе, онъ собираетъ свои полки въ колонны. Согласно доктрины „шока“ онъ правъ — онъ держитъ все время дивизію въ полной готовности по знаку или сигналу выстроить тѣ сомкнутыя линіи, которыя понесутся впередъ для того, „чтобы напоромъ коней“ свалить неприятеля*).

Около 9 часовъ утра онъ несетъ тяжелое наказаніе за ложность исповѣдуемой имъ доктрины. 4-ая австрійская кавалерійская дивизія попадаетъ подъ „очередь“ русскихъ конныхъ батарей, ставшихъ на позиціи у высоты „Беремовка“. Мы употребляемъ выраженіе „тяжелое“, хотя мы и знаемъ, что въ дѣйствительности потери отъ этого

*) См. схему № 8.

огня въ австрійской кавалерійской дивизіи были небольшія; тяжелымъ оказался результатъ въ моральномъ отношеніи. Этимъ результатомъ было слѣдующее: дезорганизованная дивизія подалась назадъ, вслѣдъ затѣмъ она захвачена была врасплохъ русской конницей въ районѣ высотъ 418 — 419, самъ начальникъ дивизіи вынужденъ былъ лично повести первый же полкъ въ атаку и наконецъ остальные полки, за исключеніемъ дивизиона маіора Видаль, „отказались отъ борьбы“.

Неудачный исходъ для австрійцевъ коннаго боя у Волчковце имѣетъ своей первопричиной стремленіе ген. Заремба таскать за собою свою дивизию въ компактныхъ строяхъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что даже въ такомъ единственномъ для современной войны случаѣ, какимъ представляется бой у Волчковце, старый методъ „подвода“ кавалеріи къ столкновенію не далъ хорошихъ результатовъ.

У графа Келлера было нѣсколько иначе.

Бой завязывается у него авангарднымъ полкомъ — казаками. Послѣдніе атакуютъ лавой уходящую пѣхоту; за Оренбургскими казаками (см. схему № 2), за правымъ ихъ флангомъ, идутъ 10 эскадроновъ Келлера. Лѣвые казаковъ еще два эскадрона обезпечиваютъ районъ его маневрированія. Судьба чрезвычайно благоприятствуетъ графу Келлеру: эти 10 эскадроновъ оказываются неожиданно въ 1000 шагахъ отъ находящихся въ конномъ строю массъ противника. Генераль графъ Келлеръ показываетъ себя истиннымъ кавалеристомъ, использовавъ безъ калеванія эту случайную близость; онъ бросаетъ свои эскадроны въ конную атаку, несмотря на то, что онъ имѣлъ полное право считать себя въ два раза болѣе слабымъ численно. Онъ правъ именно потому, что „механическаго шока“ не существуетъ, и поэтому закону механики, а слѣдовательно числу, въ такихъ условіяхъ принадлежитъ очень мало вліянія. Это область, гдѣ всецѣло царствуетъ духъ рѣшимости.

Сближаясь съ противникомъ, который тоже пошелъ на встрѣчу, скоро создалась обстановка, въ которой пушки и пулеметы, какъ бы они совершенны не были, дѣйствовать уже не могутъ, ибо они будутъ поражать одновременно съ врагомъ и своихъ. Вотъ условіе, которое дѣлаетъ на вѣки вѣчныя возможными конныя столкновенія.

Но какъ сблизиться до этихъ спасительныхъ въ кавалерійскомъ бою 100 200 шаговъ отъ непріятеля?

Старый методъ непригоденъ.

Нужно искать другой.

Отысканіе этого другого метода значительно облегчится, если мы бросимъ бѣглый взглядъ на ту эволюцію въ тактикѣ, которую пережила пѣхота подъ вліяніемъ усовершенствованнаго огнестрѣльнаго оружія. Послѣдняя тоже имѣла эпоху, когда вѣрили въ механическую силу удара колоннъ. Затѣмъ она пережила эпоху линей-

ной тактики, но уже сначала XIX столѣтія ея боевые порядки стали все болѣе и болѣе расчленяться по фронту и въ глубину.

Боевой порядокъ конницы тоже долженъ расчлениваться по фронту и въ глубину. Даже бой у Волчковце показываетъ, что стремленіе къ „монолитности“ боевого порядка не привело австрийцевъ къ побѣдѣ въ состоявшемся конномъ бою.

Представьте себѣ, что ген. Заремба, задумывая свое передвиженіе въ обходъ высотъ 418—419, занявъ бы предварительно спѣшенными частями съ пулеметами высоту 410 и вмѣстѣ съ этимъ выслалъ бы полкъ для занятія высотъ 418—419, придавъ ему другую часть пулеметовъ и одну батарею. Этотъ полкъ занявъ бы по эскадронно выжидательное положеніе, спѣшивъ часть своихъ взводовъ и расположивъ пулеметы и батарею такъ, чтобы быть готовымъ обстрѣлять удобнѣе къ этимъ высотамъ подступы. Ген. Заремба могъ спокойно исполнить за этимъ неподвижнымъ щитомъ другими своими полками задуманный имъ маневръ.

Мы думаемъ, что результатъ атаки 10 эскадроновъ графа Келлера былъ бы иной въ этомъ случаѣ. Если же мы прибавимъ къ только что сказанному, что вооруженіе современной конницы, напримѣръ французской, даетъ въ каждомъ эскадронѣ ... группъ (звеньевъ) вооруженныхъ каждая ручнымъ пулеметомъ, а огневые средства, находящіяся въ распоряженіи дивизіи, достигаютъ 24 орудій, 48 полковыхъ пулеметовъ на повозкахъ, 3 пулеметовъ при командахъ велосипедистовъ и 36 бронированныхъ автомобилей съ 37 мм. пушкой и пулеметомъ, то становится яснымъ, что устойчивость и огневая сила полка въ районѣ высотъ 418—419 была бы столь велика, что въ исходѣ атаки 10 эскадроновъ графа Келлера въ сомкнутомъ строю не можетъ уже быть никакого сомнѣнія.

Мы будемъ правы, если вмѣстѣ съ читателемъ зададимъ здѣсь себѣ вопросъ. Въ этихъ условіяхъ будущей войны правъ ли будетъ начальникъ, если очутившись въ тактическомъ положеніи подобномъ тому, въ которомъ очутился графъ Келлеръ, когда онъ стоялъ на высотѣ „Острый Гарбъ“ станеть приводить свое рѣшеніе: движеніе главными силами къ высотамъ 418—419, тѣми же методами? Можетъ ли этотъ начальникъ рассчитывать на повтореніе такого же счастливаго случая, какъ это произошло съ гр. Келлеромъ, когда послѣдній, выскочивъ на высоту 410, увидѣлъ въ полуверстѣ отъ себя находящіяся въ конномъ строю массы противника?

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что нѣтъ!

Даже въ минувшую войну подобный случай могъ произойти лишь въ первые дни войны. Причиной этому являлось то самое ложное ученіе въ „шокъ“ конными массами, которое и заставило ген. Заремба держать свою дивизію въ колоннахъ, не обезпечивъ за собою огневое обладаніе вокругъ лежащаго маневреннаго пространства. Въ какой же сильной мѣрѣ господствовали въ мысляхъ большинства кавалеристовъ старыя предрасудки лучше всего доказываетъ однимъ интереснымъ психологическимъ фактомъ. Какъ мы уже говорили въ нашемъ первомъ изъ очерковъ, посвященныхъ бою

у Воляковце, въ конномъ бою болѣе чѣмъ въ какомъ либо другомъ господствуетъ воображеніе и рисуемая воображеніемъ картины менѣе чѣмъ въ какомъ либо другомъ бою отвѣчаютъ дѣйствительности. Такъ вотъ всѣ описанія, какъ русскія такъ и австрійскія, какъ бы ни были они различны, сходятся въ одномъ. Всѣ русскія описанія утверждаютъ, что боевой порядокъ австрійцевъ былъ трехлинейный, т. е. тотъ, который предписывала австрійская кавалерійская доктрина „шока“, и сѣтуютъ, что на русской сторонѣ этого выполнено не было. Всѣ же австрійскіе участники утверждаютъ, что трехлинейный боевой порядокъ былъ примѣненъ русскими и сѣтуютъ, что онъ не былъ примѣненъ на австрійской сторонѣ. Въ дѣйствительности, какъ мы знаемъ, его не было ни у русскихъ ни у австрійцевъ! Такова была сила предвзятыхъ идей, съ которыми конницы вступили въ войну 1914 года. Въ будущей войнѣ конечно этого не будетъ!

Какъ же долженъ былъ бы рѣшить свою задачу кавалерійскій начальникъ, очутившійся на высотѣ „Острый Гарбъ“ въ положеніи аналогичномъ графа Келлера? Рѣшивъ двигаться съ оставшимися у него, послѣ высылки казаковъ, десятью эскадронами въ с.-з. направленіи, онъ долженъ былъ выслать одинъ полкъ съ частью пулеметныхъ командъ для занятія высотъ 418—419, а съ остальными шестью эскадронами, составлявшими бы его резервъ, продвигаться вдоль долины, выпустивъ впередъ на должную дистанцію полкъ, посланный для занятія высотъ 418—419*).

Но тогда, скажетъ читатель, этотъ полкъ рисковалъ бы подвергнуться конной атакѣ австрійской кавалеріи, если бы она вопреки всему, что мы говорили выше, все таки оказалась сосредоточенной въ колоннахъ за этими высотами. Тутъ мы и подходимъ къ принципиальному различію между прежнимъ трехлинейнымъ боевымъ порядкомъ тактики „шока“ и новымъ порядкомъ — расчлененнымъ по фронту и въ глубину.

Послѣдній не стремится цѣлью создать механическое единство коннаго удара. Онъ строитъ бой конницы на сочетаніи пѣшаго (огневого) боя съ коннымъ. Поэтому, учитывая всю силу современныхъ огневыхъ средствъ, онъ и не боится отдѣльнаго пораженія одной изъ своихъ расчлененныхъ частей. Но за то онъ даетъ возможность использовать всю силу современнаго огня для созданія на полѣ сраженія цѣлой сѣти огневыхъ пунктовъ, въ которыхъ неприятельская конница, пытающаяся воскресить картины прежнихъ массовыхъ атакъ, неминуемо запутается какъ въ паутинѣ. Пусть даже она одержитъ частичный успѣхъ надъ одной изъ частей нашего расчлененнаго порядка благодаря лихости и силѣ своего перваго порыва. Но что изъ этого должно произойти? По неизмѣнному психологическому закону кавалерійская часть, пущенная въ атаку, уподобляется пулѣ, пущенной изъ ружья; она понесется вслѣдъ за той частью своего противника, которую ей удалось сломить и при этомъ она превращается въ стихійную толпу. Появленіе на полѣ сраженія даже небольшихъ

*) См. схемы № 2 и № 8.

нашихъ резервовъ окажетъ на нее вліяніе, подобное взводу конвоя графа Келлера на австрійскій эскадронъ и окружавшую его массу австрійскихъ всадниковъ, несшихся за уходящими русскими уланами. Можетъ быть и другой случай: эти волны несущихся впередъ людей запутаются въ огневыхъ комбинаціяхъ, созданныхъ нами благодаря широкому примѣненію тактики расчлененнаго боевого порядка.

Послѣднее предъявляетъ новое требованіе къ современной кавалерійской доктринѣ. Основнымъ кавалерійскимъ строемъ нужно считать теперь не развернутый сомкнутый строй эскадрона, а лаву взвода. Подобно тому какъ на парфорсныхъ охотахъ группа всадниковъ замыкается и смыкается для преодоленія препятствій, такъ точно и въ современномъ бою звенья взводной лавы идутъ впередъ галопомъ, преодолевая не только препятствія мѣстности, но и препятствія, созданныя огнемъ. Въ конномъ строю можно будетъ дойти до цѣли лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда удастся неожиданно выскочить на короткѣ, или при деморализаціи противника или наконецъ въ тѣ послѣднія минуты боя, когда во время свалки прикрытіемъ противъ непріятельскаго огня явятся сами всадники непріятеля. Во всѣхъ этихъ случаяхъ сомкнутость не нужна.

Сила нашей казачьей лавы, рожденной природной конницей, заключается въ томъ, что она даетъ возможность, уклоняясь отъ сомкнутаго удара противника, быстро собирать группы для атаки фланговъ. Даже въ эпоху Наполеона, когда въ рукахъ у казаковъ не было могущественныхъ средствъ современной матеріальной части, позволяющихъ жестоко наказывать противника за гуляніе по полю сраженія въ сомкнутыхъ колоннахъ, регулярная конница съ трудомъ боролась противъ казачьей лавы. Просмотрите мемуары кавалеристовъ того времени. Вы встрѣтите сѣтованія на то, что предъ фронтомъ сомкнувшихся для конной атаки кавалерійскихъ массъ лавы раступалась и отходила... намѣченный ударъ попадалъ въ пустую... а въ это время другія части лавы собирались противъ фланговъ... и регулярной кавалеріи приходилось отступать. Тогда „старые регулярные“ кавалеристы тоже возмущались, утверждая, что казаки дѣйствуютъ не по „правиламъ“.

Представляя всѣ преимущества при современныхъ условіяхъ для дѣйствій кавалеріи противъ кавалеріи, расчлененный боевой порядокъ имѣетъ и еще одно громадное преимущество. Это преимущество столь велико, что оно одно, само по себѣ взятое, заставило бы остановить выборъ на расчлененномъ боевомъ порядкѣ. Съ подобнымъ боевымъ порядкомъ современная конница въ состояніи дѣйствовать и противъ пѣхоты. Она не будетъ напоминать собою сантиментальную дѣвицу, ожидающую сложа руки, пришествія сказочнаго принца „счастливаго случая“. Какъ часто въ минувшую войну кавалерія этому уподоблялась! А въ это время ея сестры — пѣхота и артиллерія истекали кровью. Но что еще хуже, такъ это то, что когда этотъ сказочный принцъ „счастливый случай“ придетъ, то конница „бѣлоручка“ не признаетъ его, если въ корнѣ не измѣнитъ своего міровоззрѣнія. Потому что этотъ принцъ придетъ не въ ска-

зочною одѣяніи, а въ „современномъ платьѣ“. Во время сраженія на Марнѣ между двумя правофланговыми нѣмецкими арміями фонъ Клука и фонъ Бюлова образовался прорывъ. Эта дыра, прикрытая самой ничтожной завѣсой, существуетъ съ 6-го по 13-ое сентября; 8-го, 9-го и 10-го сентября, т. е. ни болѣе ни менѣ какъ трое сутокъ, эта дыра имѣетъ по фронту 50 верстъ! Вблизи у нѣмцевъ нѣтъ никакихъ резервовъ, чтобы заполнить ее. Какъ разъ противъ этой дыры у союзниковъ пребываетъ цѣлый кавалерійскій корпусъ изъ трехъ французскихъ и одной англійской конныхъ дивизій. Что было бы, если бы эта конница была болѣе современной! Если бы она сумѣла надавить своими собственными силами на ту ничтожную завѣсу, которой эта дыра прикрывалась, не считая, что это дѣло пѣхоты? Стратегическіе результаты были бы неисчислимы и въ худшемъ случаѣ нѣмцы были бы, по крайней мѣрѣ, сразу изгнаны съ территории Франціи.

Но для этого нужно, чтобы конница видѣла въ огнѣ не препятствіе своихъ дѣйствій, а содѣйствіе. Это возможно лишь съ окончательнымъ переходомъ къ расчлененному боевому порядку и окончательнымъ отказомъ отъ фантастической теоріи „шока“.

Опытъ минувшей войны съ несомнѣнной очевидностью показываетъ, что массовыя сомкнутыя кавалерійскія атаки отходятъ въ область прошлаго.

Нѣкоторымъ можетъ показаться, что опытъ гражданской войны въ Россіи какъ бы противорѣчитъ сказанному въ этой главѣ. Но нужно помнить, что „бѣдность“ огня на поляхъ столкновеній русской гражданской войны дѣйствительно позволяла безнаказанное приближеніе сомкнутыхъ конныхъ массъ къ ихъ объектамъ дѣйствій; плохія же боевыя качества войскъ, какъ мы уже говорили, заставляли держать ихъ въ сомкнутыхъ строяхъ и въ районѣ „глаза“ и непосредственнаго воздѣйствія начальства. Въ будущей, „настоящей“, войнѣ, въ которой техника займетъ опять свое господствующее мѣсто на поляхъ сраженій, рассчитывать на подобное же возвращеніе къ условіямъ войны XVIII вѣка, конечно, нельзя. Поэтому методъ боевыхъ дѣйствій современной конницы долженъ быть основанъ на возможности самаго широкаго использования современной матеріальной части. Здѣсь долженъ получить примѣненіе общій законъ современной войны: противъ современной матеріальной части нельзя бороться „пушечнымъ мясомъ“.

Но стало быть боевыя столкновенія въ конномъ строю всякаго вида тоже должны быть признаны отживающими и кавалерія превращается въ вѣздящую пѣхоту — можетъ быть сдѣлаетъ заключеніе часть читателей?

На это я отвѣчу сначала тоже вопросомъ: въ свое время въ область преданія отошли рыцарскіе поединки, но развѣ съ исчезновеніемъ ихъ съ полей сраженій кавалерія окончила свое существованіе? Не возродилась ли она въ новыхъ формахъ и не царствовала ли она на поляхъ сраженій XVIII вѣка?

Кавалерія и теперь осталась оружіемъ подвижности и быстрога

маневра. Стремление, гдѣ только возможно, ускорить маневръ должно сохранить въ конницѣ стремление при всякой къ тому возможности провести хотя б. часть маневра въ конномъ строю: потому что въ конномъ строю маневръ протекаетъ значительно быстрее.

Этотъ выводъ приведетъ насъ къ защитѣ противоположному, чѣмъ отрицаніе конницы. Но за то онъ предъявитъ новыя требованія къ ней.

Прежде всадниковъ можно было „вести“ въ конный бой; ихъ и вели за собой старшіе кавалерійскіе начальники; индивидуальность бойца тонула въ „массахъ шока“.

Теперь передъ каждымъ мелкимъ кавалерійскимъ начальникомъ, а въ лавѣ передъ каждымъ начальникомъ звена, будетъ стоять задача: спѣе питься и слѣдовательно затянуть маневръ или рискнуть еще дальше дѣйствовать въ конномъ строю, считая за идеаль до рваться до конной схватки. Я не впущу въ парадоксъ, если буду на основаніи этого утверждать, что современная конница должна состоять изъ всадниковъ, къ которымъ кавалерійскій духъ долженъ быть привитъ въ гораздо большей степени, чѣмъ въ конницѣ прежняго типа.

Современную конницу не „ведутъ“ въ бой; она должна каждымъ своимъ атомомъ, каждымъ изъ своихъ всадниковъ рваться впередъ и впередъ къ смѣлому, быстрому маневру.

ОЧЕРКЪ V. КОННАЯ АТАКА.

(Изъ личныхъ переживаній).

Солнце приближалось къ горизонту. Кончился жаркій день. Это была чудная польская осень — конецъ августа 1914 года. Нашъ конный отрядъ въ составѣ 32 эскадроновъ и 12 конныхъ пушекъ столкнулся у мѣстечка Ополе съ австро-венгерской конницей и подошедшими къ ней пѣхотными частями.

Задача наша была простая: возможно дольше задерживать продвиженіе непріятеля впередъ, для того, чтобы дать возможность нашей пѣхотѣ, перевозимой по желѣзной дорогѣ, сосредоточиться для нанесенія общаго удара.

Само мѣстечко Ополе не имѣло никакого особаго военного значенія. Какъ всѣ селенія этой части Польши оно въ серединѣ своей представляло скопленіе грязныхъ, низкихъ, кирпичныхъ домиковъ. Къ этому крикливому центру, съ вѣчно толпящимся въ узкихъ улицахъ населеніемъ, примыкали, образуя окраины, деревянныя крестьянскія избы, мало отличающіяся отъ избъ обыкновенной русской деревни. Съ одного боку Ополе была расположена усадьба богатаго польскаго помѣщика, съ большимъ каменнымъ домомъ, амбарами, ригами, скотнымъ дворомъ, конюшнями. Само мѣстечко Ополе было расположено въ ямѣ. Вокругъ мѣстность была холмистая. Все было покрыто хорошо воздѣланными полями, на которыхъ мѣстами еще оставались копны неубраннаго хлѣба.

Дальше виднѣлись лѣса. Опушка ихъ, въ зависимости отъ удаленія, или обрисовывалась отчетливо, или представляла неясныя полосы сѣро-зеленыхъ и фіолетовыхъ тоновъ.

Тамъ, ближе къ лѣсамъ, былъ „онъ“ непріятель.

Тому, кто переживалъ хотя бы одинъ бой, какъ непосредственный участникъ, хорошо знакомо ощущеніе какой то невидимой передъ Вами черты, которая отдѣляетъ Васъ отъ „него“.

За этой чертой — неизвѣстность; можетъ быть — смерть.

Эта линія приближается къ Вамъ, удаляется отъ Васъ, иногда Вы сами силитесь ее прорвать, а иногда она сжимаетъ Васъ — но она всегда чувствуется.

До войны каждому изъ насъ приходилось читать описаніе различныхъ боевъ. Изъ нихъ то и составлялось наше до-военное представленіе о боѣ.

Дѣйствительность оказалась совершенно не такою, какою ее изображали большинство литераторовъ, особенно же военныхъ писателей.

Въ теченіи первыхъ боевъ я наблюдалъ, какъ всѣ офицеры переживали какъ бы разочарованіе. Впрочемъ, слово разочарованіе не вполне точно передаетъ тѣ ощущенія, которыя мы испытывали. Когда Вы подходите близко къ какому бы то ни было крупному явленію или событію, оно всегда въ дѣйствительности оказывается инымъ, чѣмъ Вы предполагали. Это доставляетъ нѣкоторое чувство досады. Вы ожидали, что все проще, а передъ Вами разворачивается полотно громаднѣйшей картины; Вы получаете такую гамму новыхъ впечатлѣній, мыслей, что на нѣкоторое время растеряны.

Самая большая ошибка всѣхъ рассказовъ и описаній боевъ та, что авторы изображаютъ своихъ дѣйствующихъ лицъ героями совершенно не боящимися снарядовъ и пуль, хладнокровно обдумывающихъ въ самомъ бою сложнѣйшія комбинаціи, которыя выполняются затѣмъ такими же спокойными подчиненными.

Первыя же боевыя столкновенія разрушаютъ эту иллюзію.

Вы не видите „такихъ“ героев... а, заглянувъ въ себя, Вы пугаетесь...

Потомъ, когда Вы присмотритесь, Вы научаетесь находить истинныхъ героев и нѣкоторую управляемость событій. Такъ глазъ чловѣка, попавшаго изъ яркаго свѣта въ полумракъ, требуетъ нѣкоторое время, чтобы научиться различать дѣйствительные контуры окружающихъ предметовъ.

Но только герои, которыхъ Вы находите, не похожи на героев романовъ и реляцій — это люди часто мало замѣтные въ будничной жизни.

Линія, разделяющая Васъ отъ непріятеля — это линія смерти. Къ этой линіи никто не любитъ подходить и услужливый разумъ подыскиваетъ тысячи удобныхъ предлоговъ, чтобы избѣжать дальнѣйшее сближеніе.

Л. Гв. Гродненскій гусарскій полкъ входилъ въ составъ конницы ген. кн. Туманова и находился въ резервѣ. Гусары слѣзли съ лошадей и эскадроны отдѣльными группами стояли вдоль одной изъ окраинъ Ополе. Пользуясь выпавшимъ отдыхомъ, полкъ поилъ и кормилъ лошадей, люди закусывали. А тамъ впереди — громыхали пушки, трещали ружья и пулеметы.

У одного изъ краевъ сада панской усадьбы, того края который захватывалъ одинъ изъ ближайшихъ къ мѣстечку холмовъ, за большими, развѣсистыми деревьями, стояла группа начальниковъ. Здѣсь были: самъ генераль кн. Тумановъ, мой командиръ бригады генераль М., начальникъ штаба дивизіи и ординарцы. Я тоже временно находился здѣсь, какъ командиръ полка резерва.

Изъ приходящихъ донесеній выяснилось, что общую задачу дня мы выполнили. День кончался и можно было подумать объ отдыхѣ измученныхъ людей — это былъ уже пятый день тяжелыхъ боевыхъ столкновеній.

Но настроеніе, царившее въ верхахъ нашей конницы, не было спокойнымъ. Генераль кн. Тумановъ, лично очень храбрый, неоднократно хорошо показавшій себя въ минуту сильной опасности, былъ удрученъ и подавленъ. Онъ получилъ изъ штаба арміи рядъ выговоровъ, написанныхъ въ грубой формѣ, упрекавшихъ насъ въ томъ, что мы дѣйствовали недостаточно энергично. Штабъ нашей арміи былъ одинъ изъ тѣхъ штабовъ перваго періода войны, въ которомъ „необстрѣлянные“ офицеры воображали, что можно руководить частями арміи, какъ пѣшками шахматной доски; когда работа строевыхъ начальниковъ не соответствовала ихъ ложнымъ представленіямъ о боѣ, они именемъ командующаго арміи „подтягивали“ не соответствующихъ ихъ требованіямъ войскowychъ начальниковъ.

Въ одномъ изъ приказаній только что полученныхъ генераломъ кн. Тумановымъ высказывалось, что командующій арміей замѣтилъ, что конница генерала кн. Т. не рѣшается атаковать въ конномъ строю, „дабы могучимъ коннымъ шокомъ сокрушить врага“. Выходило такъ, что штабъ арміи, находившійся въ 65 верстахъ отъ насъ, считалъ себя болѣе компетентнымъ рѣшать вопросъ о способахъ исполненія возложенныхъ на насъ задачъ.

Сколько вреда приносятъ подобнаго рода писанія. Онъ легко выводятъ войскowychъ начальниковъ изъ душевнаго равновѣсія и безъ того съ большимъ трудомъ поддерживаемаго. Онъ толкаютъ на путь импульсивныхъ, иногда нелогичныхъ рѣшеній, и бой, представляющій и безъ того явленіе трудно управляемое, пріобрѣтаетъ совершенно стихійный характеръ. Сколько лишней крови льется въ этихъ случаяхъ!

Ген. Тумановъ, человекъ пожилой — лѣтъ 55, тучный, сидѣлъ на пнѣ. Онъ растегнулъ китель; было видно, какъ онъ вслывался. Въ немъ было затронутъ чувство чести, т. к. въ полученномъ замѣчаніи онъ видѣлъ упрекъ въ недостаткѣ личной рѣшимости. Тяжело было видѣть это о славнаго старика въ такомъ состояніи. Окужающіе успокаивали его, но вмѣстѣ съ нимъ они тоже чувствовали горечь незаслуженной тяжелой обиды.

Стрѣльба на всемъ фронтѣ продолжалась. Съ лѣвой стороны отъ насъ стояла одна изъ нашихъ конныхъ батарей. Въ ея направленіи послышался учащенный ружейный огонь. На взмыленной лошади прискакалъ ординарецъ отъ командира этой конной батареи съ донесеніемъ, что батарея начала обстрѣливаться ружейнымъ огнемъ съ опушки ближайшаго лѣса.

Мнѣ неоднократно приходилось замѣчать насколько артиллеристы, спокойно выдерживающіе сильный артиллерійскій огонь противника, нервно относятся къ его ружейному огню. Въ данномъ случаѣ этотъ обстрѣлъ не представлялъ собою ничего серьезнаго: опушка лѣса отстояла отъ батареи на 1200—1500 шаговъ; день кончался и мы должны были уходить, складки же мѣстности облегчали этотъ отходъ отъ дальняго обстрѣла.

Рѣшено было, придавъ къ пяти эскадронамъ Гродненскихъ гусаръ еще два эскадрона уланъ Его Величества, оставшихся также

въ резервъ, всѣ эти семь эскадроновъ бросить въ кономъ строю для атаки непріятеля, обстрѣливающаго съ опушки лѣса нашу конную батарею.

Получивъ приказаніе, я пережилъ нѣсколько секундъ острой внутренней борьбы. Мнѣ казалось, что если въ ближайшіе полчаса вся наша конница будетъ уходить, то стоитъ ли рисковать конной атакой столь значительной конной массы. Въ случаѣ удачи, эта масса вырвется изъ рукъ, собирать ее будетъ не легко, т. к. время будетъ позднее. Я сильно колебался высказывать ли ген. кн. Туманову мои сомнѣнія. Слишкомъ часто всякій начальникъ слышитъ въ бою подобныя возраженія своихъ подчиненныхъ со всевозможными предлогами для того, чтобы уклониться отъ рѣшительныхъ дѣйствій, и, скажемъ откровенно, — отъ сопряженной съ ними опасности. Невольно я повѣрилъ себя: не есть ли въ данномъ случаѣ съ моей стороны тоже жаланіе уклониться — вѣдь человѣческой разумъ всегда услужливо подыскиваетъ мотивы для скрытыхъ вашихъ чувствъ. Но, цѣня въ генералѣ кн. Тумановѣ его рыцарскую порядочность и зная его доброжелательное ко мнѣ отношеніе, я рѣшился подойти къ нему и откровенно подѣлиться съ нимъ моими сомнѣніями. Ген. Тумановъ отвѣтилъ мнѣ, что подѣ Бегли-Ахметомъ Нижегородскіе драгуны атаквали въ темнотѣ. Кн. Тумановъ участвовалъ въ 1877 г. въ этой славной атакѣ и любилъ вспоминать это.

Разъ атака была рѣшена, то главный шансъ на успѣхъ ея заключался въ быстротѣ дѣйствій.

Пославъ приказаніе полку подтянуть подпруги и выстроиться, а офицерамъ собраться, чтобы выслушать мои приказанія, я по дорогѣ къ полку изучалъ карту, свѣряя ее съ мѣстностью.

Намъ предстояло пройти около $1\frac{1}{2}$ верстѣ до противника. Приблизительно около версты мы могли идти, укрываясь въ складкахъ мѣстности частью покрытой кустами. Но далѣе мы были совершенно открыты для огня съ опушки. Я рѣшилъ направить съ фронта въ широко разомкнутомъ строю пять эскадроновъ, слѣва же, тамъ, гдѣ лопщина и кусты представляли не широкой подступъ, я рѣшилъ послать одинъ эскадронъ съ задачей выйти лѣсомъ въ тылъ частямъ, занимающимъ опушку лѣса. Можно было рассчитывать, что въ случаѣ, если опушка лѣса занята спѣшенной конницей, угроза коноводамъ отразится на частяхъ, стрѣляющихъ на опушкѣ: ихъ непременно потянетъ къ лошадямъ. Наконецъ седьмой эскадронъ я задерживалъ въ своемъ резервъ до окончательнаго развертыванія моихъ частей.

Подѣхавъ къ полку и объяснивъ мой планъ дѣйствій, я выждалъ нѣкоторое время, чтобы дать посланному мною въ обходъ эскадрону далѣе продвинуться впередъ.

Затѣмъ я приказалъ своему старшему полковнику развернуть предназначенные для атаки съ фронта пять эскадроновъ и вести ихъ рысью въ указанномъ мною направленіи. Я предупредилъ, что къ минутѣ выхода полка на открытое мѣсто самъ встану во главѣ

этихъ пяти эскадроновъ, сейчасъ же временно задержусь, дабы прослѣдить продвиженіе впередъ фланговаго эскадрона.

Раздался шумъ полка конницы, садящагося на лошадей. Въ этомъ шумѣ есть своего рода поэзія. Сложенный изъ тысячи звуковъ бряцаніе шпоръ, лязгъ стремянь, шашекъ, пикъ — въ немъ есть что то грозное, могущественное. Сосредоточенныя лица офицеровъ и гусарь сразу напоминали, что здѣсь не маневренная игра, а нѣчто посерьезнѣе.

Полкъ двинулся впередъ и привычнымъ пріемомъ развернулся.

Я выскочилъ на ближайшій кряжъ. Вскорѣ я убѣдился, что мой фланговый эскадронъ слишкомъ забираетъ влѣво. Въ это время мой офицеръ-ординарецъ, котораго я еще ранѣ послалъ взлѣсть на скирдъ сѣна и черезъ сильный бинокль наблюдать за опушкой лѣса, прислалъ мнѣ доложить, что, безъ сомнѣнія, опушка занята спѣшенной конницей, и что по нѣкоторымъ признакамъ непріятельскіе коноводы находятся въ томъ районѣ, гдѣ я предполагалъ. Я рѣшилъ исправить ошибку обходящаго эскадрона, выславъ въ прежнемъ направленіи эскадронъ резерва, и самъ широкимъ голопомъ пошелъ догонять полкъ.

Когда я нагналъ полкъ, длинная линія моихъ разомкнутыхъ эскадроновъ подходила къ рубежу мѣстности, послѣ котораго должна была начаться атака. Гусары шли шагомъ.

Наступила рѣшительная минута.

Признаюсь, минута очень страшная. Я чувствовалъ, что глаза всѣхъ гусарь устремлены на меня. Въ то время, когда я пересѣкалъ линію гусарь, произошло маленькое событіе, чрезвычайно характерно обрисовывающее духъ солдатъ старой Русской арміи. Вспомнивъ, что у меня шашка не отпущена, я сказалъ своему ординарцу: „А у меня шашка не отпущена“. Мои слова услышали ближайшіе гусары и изъ ихъ рдовъ послышался отчетливый и твердый голосъ: „За Вами, Ваше Высокоблагородіе, шашки и пики Гродненскихъ гусарь“. Слова эти, раздавшіяся въ рѣшительную передъ атакой минуту, произвели на меня сильное впечатлѣніе. Кто сказалъ ихъ? Я никогда потомъ не узналъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ настоящихъ героевъ, которые обыкновенно проходятъ незамѣченными на страницахъ военной исторіи, но которые на дѣлѣ и являются тѣми скрытыми пружинами, которыя двигаютъ самую важную сторону явленій боя — сторону моральную.

Подавъ команду „шашки къ бою“ и подавъ полку знакъ слѣдовать за мной, я началъ подыматься по скату лощины. Нѣсколько секундъ мы были еще укрыты отъ выстрѣловъ съ опушки, но затѣмъ мы были совершенно открыты. Я оглянулся назадъ: широкая лента моихъ гусарь шла какъ на маневрахъ. Командиръ нашей конной батареи говорилъ мнѣ впоследствии, что никогда не забудеть этой картины.

Мы шли широкимъ полевымъ галопомъ.

Вокругъ послышались характерныя жужжанія ружейныхъ пуль; надъ головой разорвалось нѣсколько шрапнелей. Сознаніе совер-

шенно притупилось. Я помню только, что безудержно хотѣлось пройти возможно скорѣе разстояніе отдѣляющее меня отъ лѣса.

Очень скоро послѣ начала атаки я почувствовалъ, что огонь съ опушки лѣса началъ слабѣть. Какъ потомъ оказалось, непріятель, видя стремительность нашей атаки и получивъ извѣстіе объ обходящихъ его съ праваго фланга эскадронахъ, угрожающихъ его ководамъ, началъ торопливо отбѣгать къ своимъ лошадямъ. Всѣмъ своимъ существомъ я почувствовалъ уменьшеніе опасности и мнѣ казалось, что моя лошадь тоже это чувствуетъ — она сама усилила свой галопъ.

Какъ я вскочилъ въ лѣсъ, у меня нѣтъ яснаго представленія. Помню, что на меня бѣжалъ съ ружьемъ австріецъ и я все не понималъ почему онъ не стрѣляетъ. Когда онъ подбѣжалъ ко мнѣ, онъ вдругъ дико взмахнулъ руками: рядомъ со мной оказался гусарь, который прокололъ его пикой.

Мое первое отчетливое воспоминаніе относится къ той минутѣ, когда я стоялъ, окруженный группой офицеровъ и гусарь, пѣшкомъ. Меня сразу поразило, что всѣ они сильно жестикулировали и кричали, но, придя въ себя, я замѣтилъ, что я самъ машу руками и крикомъ силюсь что то рассказать... я взялъ себя въ руки и пришелъ въ себя.

Осмотрѣвшись болѣе внимательно, я увидѣлъ около себя ординарцевъ и взводъ со штандартомъ. Въ лѣсу я замѣтилъ спины моихъ гусарь, которые частью группами, частью одиночками уходили вглубь. Слышенъ былъ удаляющійся глухой шумъ, звяканіе, конскій топотъ, фырганіе лошадей; тамъ и сямъ гулко прокатывались по лѣсу отдѣльные ружейные выстрѣлы. Полкъ вырвался изъ рукъ. Каждый гусарь пережилъ то же, что и я, и сейчасъ представляетъ собою пулю, выпущенную изъ ружья. Положеніе это меня очень беспокоило, потому что согласно полученному мною приказанію мы должны были ограничиться выбитіемъ противника изъ опушки, послѣ чего я долженъ былъ собрать полкъ, чтобы съ остальными частями конницы ген. кн. Т. отойти назадъ.

Заходящее солнце багровыми лучами освѣщало край лѣса; на опушкѣ и вблизи ея лежали убитые и раненые люди и лошади. Довольно большое число лошадей лежало на полѣ, по которому мы атаковали. Въ лѣсу бродили лошади безъ всадниковъ, валялись ружья, сабли и различныя части снаряженія. Но все-таки меня сразу удивило малое количество убитыхъ и раненыхъ людей.

Я приказавъ штандартному взводу остаться на опушкѣ и заняться подборомъ раненыхъ и убитыхъ, сборомъ плѣнныхъ, т. к. многіе изъ казавшихся убитыми или ранеными начали оживать и оказались совершенно не попорченными. Послали искать лазаретную линейку. Самъ же я отправился ловить полкъ.

По картѣ было видно, что въ верстѣ къ востоку отъ опушки лѣсъ пересѣкался болотистымъ ручьемъ. Силою вещей, эскадроны должны были собраться у двухъ переправъ черезъ него. Выбравшись на одну изъ дорогъ, я полевымъ галопомъ пошелъ къ одной изъ

этихъ переправъ. Какая сила скрыта въ кровной лошади. Моя лошадь, несмотря на всю ея усталость, вновь подобралась и энергично понесла меня; она точно понимала происходящее.

Подходя къ переправѣ я дѣйствительно началъ нагонять своихъ гусаръ и у самой переправы нашелъ два эскадрона переправляющимися, третій эскадронъ уже переправился и пошелъ вслѣдъ за быстро уходящимъ противникомъ; такъ свора гончихъ гонить уходящаго звѣря.

Такимъ образомъ мнѣ удалось взять въ свои руки два эскадрона и найти слѣдъ еще одного. Остальные четыре были внѣ моего управленія. Останавливать, при такихъ условіяхъ, движеніе впередъ было невозможно; оторвавшись отъ меня четыре эскадрона легко могли нарваться на свѣжія части противника.

Темнота быстро наступила. Къ счастью, луна должна была взойти рано. Съ двумя эскадронами, находившимися у меня въ рукахъ, я рѣшилъ поскорѣе выйти изъ лѣса и оттуда выслать офицерскіе разъѣзды, чтобы ориентироваться.

Было совершенно темно, когда мы вышли изъ лѣсу. Тутъ я встрѣтилъ остальные свои эскадроны; они вышли изъ лѣсу вдоль другой дороги.

Непосредственное соприкосновение съ противникомъ было потеряно. Онъ разсыялся частью въ лѣсахъ, частью отдѣльными группами исчезъ въ темнотѣ. Было ясно только одно, что на плечахъ убѣгающаго непріятеля мы прорвались глубоко въ его расположеніе. Жители деревни, около которой мы остановились, рассказывали намъ въ какомъ безпорядкѣ только что уходили отъ нихъ части австрійской пѣхоты и артиллеріи; они разстрѣляли мѣстнаго ксенза, заподозрѣннаго ими въ желаніи намъ сигнализировать.

Обстановка складывалась такъ: конница генерала кн. Туманова къ этому времени могла быть вынужденной очистить м. Ополе и такимъ образомъ путь, по которому мы прошли, оказывался бы перехваченнымъ непріателемъ; поэтому возвращаться назадъ было по моему болѣе рискованнѣе, нежели продолжать движеніе впередъ, принимая все время влѣво, гдѣ черезъ другіе лѣса можно было рассчитывать пробраться въ расположеніе нашихъ войскъ.

Дозоры дали знать, что во всѣхъ окрестныхъ деревняхъ, занятыхъ австрійцами, тревога. Я ожидалъ донесенія отъ высланныхъ трехъ офицерскихъ разъѣздовъ, полку же далъ передышку. Тѣмъ временемъ прибѣжалъ изъ ближайшей деревни полякъ, торопливо объяснившій намъ, что австрійцы собираются сейчасъ перейти противъ насъ въ наступленіе.

Луна всходила, но все таки было настолько темно, что примѣненіе ружейнаго огня было затруднительно. Нужно было использовать это обстоятельство. Посадивъ полкъ на коней, я поставилъ эскадронъ уступами; головной уступъ я прислонилъ открытымъ флангомъ къ растянувшейся въ длину деревнѣ. Я рѣшилъ, подкутивъ непріятеля на 300 - 400 шаговъ, обрушиться на него въ темнотѣ въ конномъ строю, имѣя направляющей линіей своей атаки бѣлю-

щесся на правомъ флангѣ нашего развертыванія полотно шоссе. Для прикрытія спереди я выслалъ недалеко лаву одного эскадрона. На флангахъ я поставилъ по полуэскадрону подъ командой отборныхъ офицеровъ.

Утомленные переживаніями дня, люди не были спокойны. Я объѣхалъ эскадроны, объяснивъ гусарамъ, что въ данномъ случаѣ всѣ преимущества на нашей сторонѣ, а для этого я совѣтывалъ имъ представить себѣ какъ почувствуютъ себя австрійцы, когда изъ темноты мы какъ съ неба свалимся на ихъ головы. Главное что намъ нужно было для успѣха это полное спокойствіе и тишина, дабы ни одинъ всадникъ не началъ движенія безъ моей команды.

Въ наступившей вслѣдъ затѣмъ тишинѣ каждый изъ насъ чувствовалъ присутствіе около восьмисотъ всадниковъ, собранныхъ на маленькомъ пространствѣ для того, чтобы по первому знаку начальника броситься впередъ. Въ безвѣтряномъ ночномъ воздухѣ слышался вдали лай собакъ во всѣхъ деревняхъ, гулъ колесъ и шумъ, похожій на шумъ поднимающагося бивака.

Вдругъ по шоссе отчетливо послышался далекій топотъ многихъ лошадей. Всѣ насторожились. Изъ ночной темноты внезапно выросла фигура гусара на запыхавшейся лошади торопливо докладывающаго: „по шоссе идетъ австрійская кавалерія“.

Сколько?

Вопросъ праздный. Какъ успѣть въ темнотѣ это узнать и успѣть это сообщить?

Приходилось рѣшать задачу, какъ это впрочемъ почти всегда и бываетъ въ боевыхъ дѣйствіяхъ кавалеріи, не ожидая опредѣленныхъ свѣдѣній. Обрушивать теперь же всю конную массу было неразумно, потому что австрійцевъ могло быть немного. Ударъ же моего полуэскадрона по головѣ австрійской колонны, шедшей по шоссе, окаймленному глубокими канавами, долженъ былъ произвести эффектъ независимо отъ глубины идущей колонны. Весь вопросъ заключался въ рѣшительности атаки этого полуэскадрона; въ этомъ же я могъ не сомнѣваться, т. к. во главѣ полуэскадрона стоялъ великолѣпный офицеръ. вмѣстѣ съ тѣмъ нужно было, чтобы волнующіеся люди прочихъ эскадроновъ не сорвались бы съ мѣста безъ приказанія; пришлось прикрикнуть.

Мое приказаніе фланговому полуэскадрону не поспѣло. Командиръ его самъ бросился во взводной колоннѣ въ атаку; австрійцы были отъ насъ всего въ 150 шагахъ. Раздался топотъ двинушагося впередъ нашего полуэскадрона; затѣмъ какой то глухой шумъ, среди котораго рѣзко прозвенѣлъ какой то крикъ, послѣ чего топотъ сталъ отъ насъ удаляться.

Австрійцы въ безпорядкѣ повернули назадъ. Сколько ихъ было? Мы не узнали. Дѣло рѣшилось столкновеніемъ однихъ головъ колоннъ на шоссе въ ночной темнотѣ.

Въ это время отъ ген. кн. Туманова прискакалъ офицеръ ординарецъ. Ген. кн. Тумановъ требовалъ немедленнаго возвращенія моего полка назадъ; подъ давленіемъ австрійцевъ наша конница

вынуждена была очистить, не дожидаясь моего возвращенія, м. Ополе и отойти за р. Ходель. Генераль приказывалъ воспользоваться присланнымъ мнѣ съ ординарцемъ проводникомъ, чтобы новыми лѣсными дорогами, минуя Ополе, присоединиться къ нему за р. Ходель. Онъ настойчиво требовалъ, чтобы я началъ отходъ сейчасъ же по полученіи приказанія.

Донесеній отъ моихъ офицерскихъ разъѣздовъ я все еще не получалъ. Исполняя полученное приказаніе, мы втянулись въ лѣсъ по дорогамъ, не помѣченнымъ на картѣ, и послѣ долгаго походнаго движенія присоединились на разсвѣтъ къ главнымъ силамъ нашей конницы.

Изучая послѣ войны русскіе и австрійскіе источники, мнѣ пришлось убѣдиться въ томъ, что наша атака не оказалась ненужной, какъ мнѣ тогда казалось, а сыграла въ общей совокупности боевъ на р. Ходель большую роль. Дойдя почти до штаба австрійскаго корпуса, который, какъ оказывается, былъ въ этотъ вечеръ въ Ключковицахъ, она содѣйствовала укрѣпленію въ австрійцахъ впечатлѣнія, что мы на Ходель гораздо сильнѣе, чѣмъ то было на самомъ дѣлѣ. Дѣйствовалъ ли ген. кн. Тумановъ, посылая насъ въ конную атаку, по тому высшему чутью, которое особенно важно для кавалерійскаго начальника и которое вообще составляетъ то, что Наполеонъ называлъ „le sublime de l'art“, не берусь судить. Изложить же пережитыя мною впечатлѣнія я считалъ необходимымъ, приведя выписку изъ моихъ воспоминаній съ обрисовкой событій, какъ они мнѣ въ то время представлялись.

Н. ГОЛОВИНЪ.

(Окончаніе слѣдуетъ).